

www.outbaku.com

И.Д. Юзепчук (Акопова)

Как это все было...

*Воспоминания бакинской
девочки, ставшей
взрослой москвичкой*

Родилась я 7 июня 1907 года по старому стилю, (ныне это 20 июня) в богатой армянской семье.

Родилась в Кисловодске, куда мама со своим многочисленным семейством, акушеркой и прислугой приехала из Баку на лето.

Виргиния (старшая сестра – прим. ред.) мне рассказывала, что в тот же день моя няня вынесла меня во всем белом в сад и я была похожа на муху в молоке, до того была черна. Там же меня крестили. На даче.

Я себя помню в очень раннем возрасте, вернее, это отдельные, ни с чем не связанные картинки из моего раннего детства.

Помню вечер, я у мамы в спальне. Там же сидят тетя Матильда (Тумаева – прим. ред.) и мама. Меня посыпают к папе в кабинет за 5 рублями. Мне говорят, что я должна пойти к отцу в кабинет и попросить 5 рублей для мамы, а затем принести их.

Чтобы попасть к отцу в кабинет, я должна пройти весь зал, а это трудно. Паркет очень скользит, так как хорошо натерт и в зале темно.

Папа сидит за огромным письменным столом у себя в кабинете и дает мне пятирублевую купюру. Я приношу маме деньги.

Я очень горда, что держу в руках деньги; потому что мне никогда их не давали в руки. Говорили, что они грязные и детям их давать нельзя. Потому-то я, наверное, запомнила сей эпизод.

Джумишуд Акопов и его дочери: Тамара, Элеонора, Виргиния и Люси

В этот период я жила в детской с няней. Моей дорогой и любимой нянечкой Аннушкой. Детская комната занимала угловую часть нашей квартиры. Это

была большая светлая комната, она выходила на две улицы своими окнами, а их было четыре или пять.

У нас в квартире были очень высокие лепные потолки, огромные двухстворчатые окна и колоссальные двери, также двухстворчатые, в зал и столовую.

Остальные такие же широкие, но, обычно, одна половина была закрыта на шпингалет, а другая в работе. На всех окнах были деревянные раскрывающиеся ставни.

В моей детской был стенной шкаф для игрушек и вещей, две кровати: моя - железная с сеткой и красивой панорамой, нарисованной прямо на железе там, где ноги, и нянина - с несколькими подушками.

Стоял комод и моя детская мебель: круглый столик, два креслица и 2 стула с диванчиком. Всё низкое, обитое светлой материей.

Комната была очень большая, единственная в квартире, выходящая на две улицы, было где побегать и поиграть.

Позднее мне поставили пианино, а пока я помню, как я сладко засыпала у себя в кроватке под няинины сказки, она всегда сидела около меня, низко спустив шнур с электрической лампочкой, чтобы мне не мешал свет, и вязала.

Я просыпалась и просила пить. Мое питье в чашке всегда стояло на полке голландской печки, чтобы было не холодное, и я с наслаждением выпивала лимонную подсахаренную воду. Я и сейчас ощущаю ее вкус.

Няня со мной была постоянно, и днем, и ночью. От нее я видела только любовь и ласку. Я не помню, чтобы она когда-либо на меня сердилась или раздражалась. Я тоже была к ней очень привязана и любила ее. Она меня кормила отдельно от всей семьи.

Водили гулять меня чаще всего в Молоканский сад, который находился недалеко от нашего дома и пользовался почему-то дурной славой. Я помню, что мама предпочитала, чтобы наши прогулки были на бульваре или в Губернаторском саду.

Баку в то время был пыльный город, лишенный зеленых насаждений. В садах и на бульваре, конечно, была растительность, но все сгорало в лучах палившего солнца.

Я любила ходить в Молоканский сад. По дороге туда был ларек, в котором няня по моей просьбе покупала мне что-то вроде коржа. Мне он очень нравился, а иногда угощала семечками, которые нельзя было есть ни на бульваре, ни в Губернаторском саду.

У нас работал повар Егор, который замечательно готовил, как европейскую, так и кавказскую пищу. Мы все привыкли с детства к прекрасному столу, я имею в виду меню и его оформление.

Егор до поступления к нам, был поваром в «Европейской гостинице», где был ресторан, лучший в Баку. Он готовил все очень вкусно, необычно красиво

подавал. Какие блюда с осетриной, севрюгой или дичью красовались на столе в дни приемов или праздников!

Егор был русский, но хорошо готовил национальную армянскую, грузинскую пищу. Правда, к нам приходила готовить Макан тоже некоторые кушанья и печь с Егором куличи, катнаунц, кяту, шакер-буру (тающие пирожки с миндалем) и т.д.

Обычно в субботу он спрашивал у меня, какое я хочу сладкое блюдо на десерт к обеду в воскресение?

Я всегда заказывала трубочки с кремом или *blanc manger* (блан манже), в переводе "белая еда". Это тертые вареные каштаны в сбитых сливках. Вкус чудесный. Подавал он блан манже обязательно в круглом блюде, опоясанном решеточкой. Этую решетку он искусно делал из жженного сахара, а какие слоеные пирожки с мясом!!

Когда я подросла, я иногда бывала на кухне и видела много интересного.

Осталось яркое воспоминание о том, как утром на рассвете меня разбудила няня, сонную одела и повела в Русский Собор (Александро-Невский собор— прим. ред.) на службу.

Было "Вербное воскресение". На паперти и во дворе церкви все радовались, шутливо били друг друга вербой, в том числе и меня, приговаривая: "Верба, бей, бей, не жалей, ей-Богу - не рассержусь!". Я была в восторге. Придя домой, я била также своих сестер, а они смеялись.

А вообще меня мама иногда водила в армянскую церковь, где я стояла, слушала, ничего не понимала, так как не знала родного языка, но была охвачена чувством таинства, даже, может быть, страха. Мне нравилось принимать причастие - очень вкусное красное вино и просвирку. У армян просвирка круглая, плоская, суховатая, на ней распятый Иисус Христос.

Креститься надо было обязательно нашим армянским католическим крестом. Слева направо.

Вообще каждый вечер на ночь, меня приучили вставать на колени (в постели), складывать молитvenno пальцы, просить Боженьку о здравии мамы и всех наших, креститься, целовать свой крест, который всегда был на груди, даже когда меня мыли в ванной и только после этой процедуры ложиться спать.

Меня учили, что Боженька все видит, а потому надо быть послушной, доброй и хорошей девочкой. Я очень верила в это и, кажется, была таковой.

В нашей семье я была одна "маленькая", так как между мной и моим братом Сережей было 6 лет разницы, а старшая сестра Тамара была старше меня на 14 лет. Остальные сестры - Люся, Виргиния и Эля - соответственно, тоже старше намного. Так что, по существу, я росла одна, играла одна, была фантазерка. Плакала, когда мне читали про бедных детей, и хотела тоже быть бедной девочкой.

Однажды утром мы с няней сидели в столовой за завтраком. Уже все ушли в гимназию, мама еще не выходила из своей комнаты. Я помню, что няня сидела

не рядом со мной, а напротив, около самовара, на котором грелся бублик, как обычно. Поскольку няня сидела не со мной, а рядом, я заключаю, что уже подросла.

Теперь уже мне не у кого спросить, когда же был этот печальный день. Я очень жалею, что о многом не спрашивала своих близких и многое не знаю, а теперь, когда все мои дорогие любимые близкие ушли в небытие - не у кого спросить. Я осталась одна на свете из всей моей большой семьи. Мама, четыре сестры, брат и дяди. Все ушли, все старшее поколение. Не укладывается в голове...

Итак, мы сидели за завтраком, мои сестры и брат уже ушли в гимназию, старшая сестра Тамара жила в Лондоне, где она завершала свое образование. Наша столовая, в основном, освещалась большой стеклянной дверью, выходящей на галерею. В конце галереи - дверь на черную лестницу, которая связывает нашу квартиру с квартирой моих дядей Кости и Миши (Адамовых, братья матери – прим. ред.).

Их квартира имела парадный подъезд с Карантинной улицы, была на втором этаже. А наша квартира имела подъезд, раньше называлось "парадное", потому что был и "черный ход" со стороны Красноводской ул., и была на третьем этаже. Черная лестница соединяли эти квартиры.

Мы с нянечкой завтракали - вдруг сильно треснул буфет, который находился за моей спиной. Няня испуганно перекрестилась, сказала: "Господи, помилуй!".

Тут же в открытое окно в галерее влетела птичка. Няня опять закрестилась и буквально сразу же в столовую вошел дядя Костя, по-видимому, он поднялся по черной лестнице, в руках у него была белая бумага.

Он молча, даже не посмотрев в нашу сторону, прошел столовую и через зал - к маме в спальню. Сейчас же раздались крики, плач, больше я ничего не слышала и не видела, меня няня увела.

Меня из детской переселили в Сережину комнату. Няня была со мной, и мне не разрешали выходить. Гулять мы не ходили, когда кто-нибудь из наших приходил к нам, я спрашивала, почему меня не выпускают, не помню, что мне говорили.

Потом, через день-другой, меня повели вниз, к дяде Косте.

У дяди Кости в столовой сидела тетя Оля (Адамова, в девич. Тумаева – прим. ред.), вся в черном, с белыми бусами и плакала. Она была очень красивая. Меня подвели к ней поздороваться. Я ее поцеловала.

Потом, много позднее, я узнала, что скоропостижно скончался мой старший дядя Ваня. Умер он на пароходе, на котором совершал путешествие со своей женой, тетей Олей. Тогда говорили, что у него был солнечный удар.

Я не помню, по какому океану или морю они плавали, но хорошо помню, что говорили, что тетя Оля оделась в траур в Париже, перед возвращением в Баку.

Дядя Ваня - старший брат мамы, общий любимец, очень мягкий, ласковый и добрый человек, всех нас любил и баловал.

Оказывается, вся церемония похорон происходила у нас в квартире. Цинковый гроб с дядей Ваней привезли и установили у нас в зале. Двери были открыты для всех. Все приходили прощаться. Поминки также были у нас.

Меня отвезли к Мими и Лоре Тумаевым, моим любимым подружкам. Мы были счастливы, что вместе. Я у них пробыла несколько дней. Вот так оберегали детский покой.

Мими мне сказала, что умер дядя Ваня, мне было страшно и непонятно, что я больше не увижу дядю Ваню. Я плакала, хотела домой, но Мими, она была старше меня на два года, сказала, что плакать нельзя, потому что дяде тогда будет трудно улететь на небо. Мими всегда все знала, мы с Лорой ее слушались и называли своим королем, а не королевой.

У дяди Вани была охотничья собака - коричневый сеттер по кличке Бой, с длинными шелковистыми ушами. Я его обожала. Иногда дядя Ваня приходил с ним к нам, и я играла с ним, он все время вертел своим хвостом, выражая радость, и я очень его любила.

Оказывается, в эти трагические дни, Бойка пропал. Его нигде не могли найти, а когда похоронили дядю Ваню, нашли его, мертвого, на могиле. Это было действительно так, я ничего не придумала. Потом долго говорили об этом.

Дядя Ваня иногда ездил с Бойкой на охоту... В моей памяти дядя Ваня перед охотой - в длинных сапогах, колени тоже ими закрыты, в шляпе с перышком и с ружьем.

Наша семья принадлежала к богатому, аристократическому армянскому роду. Я об этом слышала неоднократно, а когда мне было 14 лет, мама сказала мне: "Помни, что в твоих жилах течет голубая кровь". Я спросила, чья кровь? Мама ответила: "Пирумовых".

Я знала, что моя бабушка, мать моей мамы, была урожденная Пирумова, звали ее Рюпсимэ, она вышла замуж за отца мамы, моего деда - Давида Ивановича Адамова...

У дедушки было трое (так у автора – прим. ред.) детей: три сына - Иван, Михаил, Константин и дочь Анна.

Дед дал своим детям хорошее образование.

Все сыновья имели высшее образование. Я знаю, что дядя Костя окончил Петербургский Технологический институт. Что кончали старшие братья, я не помню, потому что, по-существу, я их знала только в детстве. Все говорили по-французски и по-английски, были холеные, хорошо воспитаны.

Мама получила домашнее образование. К ней и ее двоюродным сестрам приходили преподаватели, училась она и музыке, знала неплохо французский язык.

(С мадемуазель она всегда разговаривала по-французски. Моя мадемуазель не знала русский язык.)

Анна Адамова

В Шуше жили тогда друзья и родственники - Тумаевы, Бегляровы, Акоповы, Адамовы (у деда было 10 братьев).

Для мамы и ее двоюродных сестер выписали бонну. Ею оказалась молодая и красивая немка, в будущем моя любимая тетя Матильда, мать Лили Тумаевой - Васильевой.

Тетя Матильда жила с мамой, тетей Варей, тетей Мартой. Учила их немецкому языку.

Мама рассказывала, что все многочисленные мальчики были в нее влюблены. Складывали в ее честь стихи. Жили они все очень весело.

В тетю Матильду влюбился старший сын Григория Тумаева - Христофор. У Тумаевых были пароходы (пароходство). Несмотря на протесты родителей, Христофор женился на тете Матильде, которая до конца жизни была очень дружна с мамой и со всей нашей семьей.

Через какие-то годы после женитьбы дяди Христофора погибли его родители. Они совершали турне, круиз, кажется на своем пароходе, потерпели аварию и вместе с пароходом утонули. Вот такая была трагедия

Отъ нашего корреспондента.

Отъ 28-го июня.

БАТУМЪ. Пассажирскій пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли, «Владимиръ», вышедши въ четвергъ 23 июня, изъ Батума, погибъ близъ Евпаторіи.

Черноморъ моръ парохода „Владимиръ“, намъ передаютъ о гибели находившаго на этомъ же пароходѣ известнаго бакинскаго коммерсанта Г. Г. Тумаева, его супруги и одной изъ дочерей Г. Тумаева со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 2 дочерей и одного малолѣтняго сына, недавно выѣхалъ изъ Баку за границу. Въ Батумѣ они сѣли на пароходъ „Владимиръ“, который въ ночь на 28 июня и потерпѣлъ крушеніе въ двухъ часахъ ходу отъ Одессы, отъ столкновенія съ англійскимъ пароходомъ. Изъ находившихъ на пароходѣ „Владимиръ“ пассажировъ спаслись 96, погибло же 56. Изъ семейства Тумаева спаслись только одна

дочь и малолѣтний сынъ. Трупъ Г. Г. Тумаева, какъ передаютъ, найденъ, а трупы оставшихъ членовъ этого семейства не разысканы.

www.ourbaku.com

газета "Каспий" от 2 июня 1894г.

Тетя Матильда оказалась очень и очень богатой женщиной. Тетя Матильда много путешествовала, особенно после смерти дяди Христофора, умершего от туберкулеза легких.

Вообще у Тумаевых, как выяснилось потом, многие в роду умирали от чахотки.

Тетя Оля, жена дяди Вани, была родной сестрой дяди Христофора и отца Мими, дяди Аршака.

У тети Матильды была дочь Лилия, с которой очень дружили мои сестры, а потом до конца ее жизни и я. Это была чудесная, добрая и очень умная, как и

наша Тамара, женщина. Знала много языков. Настоящий полиглот. Но об этом потом.

Я очень жалею, что не начала писать свои воспоминания раньше. Многое ушло из памяти, стерлись некоторые обстоятельства, причины.

У Акоповых было два сына - Петрус и Дмитрий, по армянски - Джумшуд. Мама стала невестой Дмитрия Нерсесовича, а тетя Варя - невестой Петруса. Однако свадьбу мамы пришлось отложить, так как моя бабушка Рюпсимэ, мать моей мамы умерла. По истечении траура мама повенчалась с отцом. Отец окончил Лесной институт в Петербурге, и в то время в его ведении были леса в Нагорном Карабахе.

*Дмитрий (Джумшуд) и Анна Акоповы с детьми.
Слева направо - Люси, Тамара, Элеонора, Виргиния*

Мама рассказывала, что там были прекрасные леса. Она, вместе с отцом и его объездчиками обезжали иногда лес на лошадях.

Однажды их окружили и остановили разбойники. Мама говорила, что чуть не умерла от страха. Но атаман заявил, что он знает, кто они, ему от них ничего не надо, потому что они, мол, хорошие люди, но он просит их оказать ему честь и быть его гостями.

Несмотря на то, что отец пытался отказаться от этого приглашения, пришлось выполнить настоятельную просьбу атамана. Им всем завязали глаза и повели куда-то. Мама с отцом оказались в комнате в коврах. Их угостили пловом, а потом отпустили. Мама натерпелась страха и благодарила Бога за спасенье.

Когда дедушка окончил строительство дома в Баку, мама с отцом переехали к себе в квартиру. Правда, они еще раньше того жили так же в своем доме на Николаевской улице.

Дедушка мой оставался в Шуше, а вот многие семьи, о которых я уже упоминала, переехали в Баку. Я не знала своих дедушку и бабушку, так как родилась уже после их смерти.

Анна и Джумшиуд Акоповы в Баку с дочерьми: слева - Люси и справа - Виргиния

Я не знаю, чем занимался мой отец после переезда в Баку. По своей ли специальности или тем же, чем и мои дяди - дома, нефть. В то время, когда я подросла, не принято было говорить о прошлом и задавать вопросы - стали жить "que les souris" (как мыши). Но тот тренд жизни, который я помню до сих пор, говорит о многом.

Я знаю, что кроме патологической ревности, совсем незаслуженной, между ними (родителями – прим. наше) были раздоры из-за воспитания детей.

Отец был против их образования вне дома. Тогда на этой почве с ним вела борьбу уже взрослая Тамара (старшая дочь – прим. ред.), за что, как нам стало известно в 1931 или 1932 году от нотариуса в Кисловодске, он лишил ее наследства.

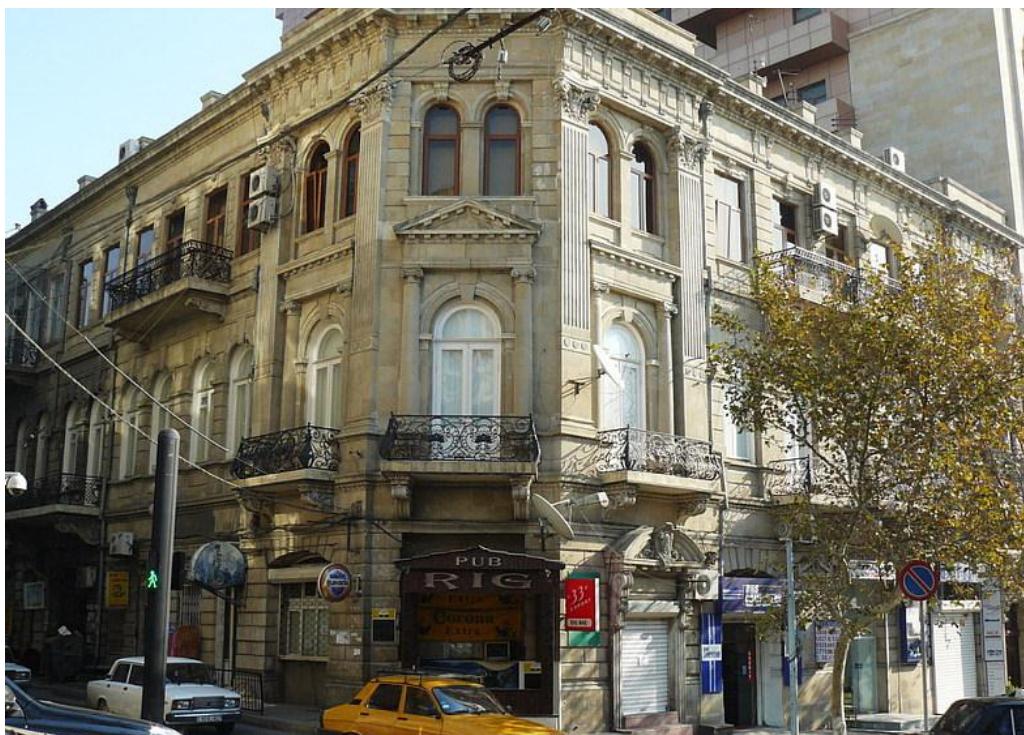
Никого не осталось в живых, с кем бы можно было бы поговорить о прежнем житье-бытье. Я все время отвлекаюсь от повествования, как-то так получается. На чем я остановилась?

На могиле у дяди Вани я бывала с мамой не раз, большой мраморный крест и памятник на кладбище в Чемберкенте. Позднее на месте кладбища устроили парк.

Я хочу по возможности описать наш дом и нашу квартиру.

Дом угловой, по Красноводской улице (ныне Самеда Вургана), № 24, угол Карантинной (ныне Ази Асланова), № 98. Имел парадное на Красноводской и парадное на Карантинной улицах.

Большой трехэтажный каменный дом, красивый, у подъезда по Красноводской стояла кариатида. Фигура, словно поддерживающая тяжесть дома. Ее куда-то потом увезли.

Главный вход — на Красноводской.

Двери дубовые, большие, высокие, пол выложен узорчатой плиткой.

Лестница широкая с деревянными широкими перилами, я любила съезжать с них верхом вниз к ужасу мадемузель. Ступеньки были из какого-то камня.

Наша квартира на третьем этаже.

Под нашей квартирой, на втором этаже, такая же по расположению, квартира Маилова. Маилов, владелец театра оперы и балета в Баку. Кроме того у него были рыбные промысла. Вот та икра, что была в голубых коробках и славилась на весь мир, была "Икра Бр. Маиловых". Теперь его театр в Баку называется театром Ахундова. Я знаю, что у нас в доме он жил бесплатно. В то время он строил себе дом.

На первом этаже по Красноводской улице расположилась "Контора Братьев Адамовых". В нашу квартиру вела лестница в 4 марша, 2 марша до Маиловской квартиры и еще 2 марша до нашей.

В середине этажей было окно с широким подоконником, где часто сидели наша Элечка, моя сестра, и ее лучшая подруга Катюша Маилова. Они там секретничали, хохотали, пока их не разгоняли.

На площадке, перед нашей дверью, стоял тигр с открытой пастью. Чучело в натуральную величину. Потом его увезли в музей.

Направо был отдельный вход в кабинет отца. Дверь в квартиру была наполовину стеклянная, тогда это было не страшно, потому что внизу всегда был швейцар Ваган, который жил в глубине лестничной клетки, а парадное всегда было заперто.

Входили в длинную переднюю, сейчас же налево была дверь в зал.

Направо после вешалки и телефона, дверь в комнату прислуги. Там жили 2 горничные - Катя, а вторую помощницу - не помню.

Прямо - двухстворчатая дверь в столовую.

Столовая была круглой комнатой.

Сразу налево из нее так же вела двухстворчатая дверь в зал.

Следующая дверь вела во внутренний коридор, где располагались комнаты.

Еще одна дверь вела в боковой коридор, где стоял холодильник, не электрический, конечно, а просто его каждый день заполняли льдом, а также стояли столы, шкафчики.

И последняя дверь, почти на всю стену, - стеклянная вела на галерею, откуда, по существу, шло освещение столовой.

Таким образом, в столовую со всех сторон вели пять дверей. Был в ней и камин зеленого мрамора с полкой, который зимой всегда уютно светился огнем. Топили его чаще каменным углем или дровами. Около топки стояло ведерко с углем и совком. Когда он не топился, то закрывался экраном.

У мамы в спальне тоже был камин, только белого мрамора. Камин, кажется, был и в кабинете. В остальных комнатах были голландские печи.

Мебели в столовой почти не было. Стоял посередине огромный стол, высокие стулья (сиденья и спинки мягкого плетения), буфет, самоварный столик, кресло и диван-тахта около камина.

Мама не любила вещи. Она всегда говорила; "Вещи переживают человека". Она как-то не украшала квартиру, было строго и везде мало мебели.

Висела люстра, которая то поднималась, то опускалась над столом. Надо было только дернуть за цепь. Тогда у всех были такие люстры в столовых. Очень удобно.

В зале с одной стороны, к стене, в сторону маминой спальни, стояла белая с золотом, обитая шелком, мебель стиля ампир. Диван, два кресла, круглый стол, несколько стульев по стенам.

В противоположном углу - черный концертный рояль фирмы "Бехштейн". Эта фирма и в наше время считается одной из самых лучших.

Около рояля, у стены (балконной) - этажерка с нотами, тоже черная.

Вдоль одной стены была опять же большая дверь на балкон и несколько окон. Этот балкон тянулся вдоль всего зала и доходил до маминой спальни, куда также из него вела дверь.

За роялем была стена с дверью в кабинет отца, где в мою бытность жила Тамара. Вдоль стены, где была передняя, стояла два ломберных стола, в простенках - стулья и столик с граммофоном и пластинками.

На стене висели две картины в черных рамках, библейского содержания, которые меня очень интересовали и были мне не понятны.

Была роскошная, огромная хрустальная многорядная люстра. Когда ее зажигали, вернее, освещали, она горела разными огнями. Такую люстру я видела потом только в театрах и музеях - и вспоминала нашу. Не знаю, куда она девалась, когда нас выгнали из нашей квартиры, - там ли она осталась или ее тоже отправили на чердак, где все разворовали.

Зал у нас был самой красивой комнатой в квартире. Правда, у мамы в спальне стояла красавица мебель красного дерева.

В зале обои были тоже светлые, белые, полосатые, с кремовым цветом и золотом. На окнах никаких занавесей, как в прочем и во всей квартире, не было.

На полу зимой - ковер во весь зал, помню темно-красный с белым. Весной и летом ковры везде убирались. Оставался натертый красивый паркет.

Вообще во всех комнатах лежали зимой ковры. В столовой тоже во всю комнату, в жилых комнатах - обычные. На стенах ковры не вешались ни в одной комнате. Ковер лежал еще на тахте в столовой, но не висел.

Везде, кроме галереи, был паркет, который натирали до блеска и был он светло-желтый.

Я помню, как я смотрела в скважину двери, как два полотера натирали паркет. Они оба, заложив руки за спину, натирая, как будто танцевали. Мне это очень нравилась и я им часто подражала.

В галерее стоял стол, стулья, за которым мои сестры, Сережа, мадемузель и я красили к пасхе яйца.

Из кухни нам подавали теплые вареные яйца, а мы их красили в разные цвета. Специальный для этой цели лак был в маленьких флакончиках буквально, всех цветов и оттенков. Красили кисточкой.

Были еще какие-то готовые бумажки с золотом и серебром. В эти бумажки заворачивали яйца и они получались золотые или серебряные. Я не помни, как это делалось, потому что мне так красить не давали.

Лак очень вкусно пах, был тоже и золотой, и серебряный.

Я, конечно, красила плохо, мазюкала, все равно меня не лишали этой радости.

Как сейчас помню Виргинию, все ее движения, аккуратно покрашенные яички, очень красивые. Люся, уже как художница, разрисовывала очень красивые яйца. Сережа, Элечка, Тамара тоже красили яйца. Все веселые, смеялись, счастливые. С нами красила и мадемуазель Мари, моя гувернантка-француженка, очень всеми и мной любимая. Как было хорошо!!

Дети Анны Акоповой - Сергей, Элеонора, Виргиния, Люси, Тамара

Красили горы яиц - для себя, для церкви, для подарков. Их укладывали в хрустальные вазы, пестрые - отдельно от золотых и серебряных. Одна из ваз стояла на полке камина. Но я отвлекаюсь, надо описывать квартиру.

Мамина спальня одной стеной примыкала к залу, другой - к моей детской угловой комнате.

Было три двери, одна - в зал, другая - на балкон, третья - в маленькую четырехугольную комнату, так называемую, умывальную, потому что там стоял мраморный умывальник.

Из умывальной была дверь в мою детскую и во внутренний коридор.

Было одно окно с широким подоконником, как и везде в квартире. На дверях балконов были двухстворчатые белые деревянные ставни, которые, по-видимому, заменяли занавеси, четвертая стена граничила со столовой.

У мамы был белый мраморный камин, который топился не так часто, как в столовой.

Как я уже писала, у мамы была спальня красного дерева. Одна кровать (вторая кровать стояла в кабинете, где жила Тамара, когда приезжала в Баку из Лондона, а потом - всегда).

Мама уже развелась с отцом, и я, кроме того раза, когда его просила дать мне 5 рублей, больше его в квартире не помню.

В спальне у мамы было голо и неуютно, не так, как бывает у других светских дам. Стоял зеркальный шифоньер, кажется, туалетный стол, тумбочка у кровати и комод.

В ящике (верхнем) комода открыто валялись мамины драгоценности. Одна брошко-бляха чего стоила! 50 бриллиантов с изумрудами, которая ослепляла. Просто удивительно, какая мама была скромная женщина.

В комнате ничего не было на стенах, никаких женских украшений, ну в смысле, фарфора на комоде и т.д.

Мама мне много читала вслух, особенно, когда я болела, - Чарскую, Желиховскую, Битчер-Стоу. Я получала два журнала: "Задушевное слово" и "Мурзилку".

В умывальной стоял умывальник, где я умывалась, затем по коридору уже со стороны Каратинной улицы, налево шли комнаты.

В первой стояло две кровати, диван, письменный стол, книжный шкаф. Была дверь на балкон и одно окно. Жили сестры.

Девочки Акоповы и одна неизвестная: - слева направо: неизвестная (не Акопова), Люси (1896), Тамара (1893)

Не буду писать, кто, так как постоянно все менялось, потому что Люся с Виргинией после окончания Люсей гимназии, уехали в Петербург:

Люся поступила на Высшие Бадаевские курсы, это Архитектурный институт в будущем, а Виргиния поступила в консерваторию в класс фортепиано к профессору Леониду Николаеву.

Виргиния гимназию окончила экстерном и блестяще выдержала экзамен в консерваторию. Ее слушали сам профессор Николаев и Глазунов, который после того, как Виргиния сыграла всю программу, встал, вынул розу из вазы, подошел к ней и сказал: "Сердце не камень" и преподнес ей розу.

Виргиния гимназию окончила с золотой медалью, Тамара - тоже с золотой, а Люся и Сережа - с серебряной.

Я опять отвлеклась. Мне все кажется, что я могу что-либо забыть и потому пишу так разбросано.

Уличный балкон доходил до комнаты мадемуазель. Ее комната, вторая по коридору, имела выход на балкон, и была дверь, соединяющая эту комнату с следующей, Сережиной.

В комнате мадемуазель позднее жила Люся. Это было тогда, когда они с Виргинией застряли в Баку после революции и смерти моей милой любимой мадемуазель. А затем, какое-то время жила и я со своим пианино.

В комнате стояла кровать с тумбочкой, письменный стол, за которым мы все, а особенно много я, занимались французским языком и читали.

Читала я, а мадемуазель штопала какое-то свое шерстяное белье. Как она говорила - шемизетки (рубашки).

Стоял комод и умывальник с кувшином и тазом. Она не умывалась под струей, а только из тазика, а воду выливала в умывальник. Она говорила, что в Париже так умываются все и она так привыкла.

Сережина комната была последней в квартире. Мебель была такая же, как у сестер. Книжный шкаф, письменный стол; кровать с тумбочкой.

Из его комнаты дверь вела так же в коридор, умывальную с умывальником.

В коридоре стояли подряд шкафы с нашим платьем и бельем, а также сундуки. Он был широкий. Из умывальной дверь вела в коридор, где холодильник, а затем выход в галерею. Вот вчерне все.

В начале галереи - ванная комната, в конце был стенной большой шкаф, где хранились фрукты, как сухие, так и свежие, орехи тоже.

В конце галереи - уборная, как тогда называлась "Ватер клозет", этот клозет был только для членов семьи, а прислуга ходила в другой, расположенный за дверью в черный ход.

Кухня выходила окном и дверью в галерею, а также имела выход на площадку лестничной клетки, где был стенной шкаф для кухонной утвари и стол у стены, где Егор тоже колдовал - рубил мясо и т.д.

Лестница вела наверх, на чердак, куда вход жильцам, кроме Маиловых, был закрыт.

На чердаке была оборудована прачечная, где стирала и гладила наша прачка Паша, которая стирала у нас и потом долгие, долгие годы. В конце-концов спилась и умерла. Когда я ездила с Сереженькой в Баку, то она к нам приходила и стирала, но уже в квартире у дяди Кости, где мы потом жили.

Затем была комната с плитой и русской печью, в которой пеклись куличи, кята, катнаунц, пироги и т.д. Потом, когда уже не было Егора, куличи пекла Макан, армянка из Шуши, которая и потом привозила нам из Шуши сухофрукты,

чурчхелу и сладко-кислый лаваш из фруктов для приготовления пищи как приправу.

На чердаке были помещения, где сушилось белье, лежали какие-то вещи и стопки канцелярских книг из конторы и для конторы. Позднее я пользовалась этими книгами как бумагой для черновиков и дневника. Даже эти книги потом разворовали вместе с нашими вещами, книгами и мебелью...

Макан, которая в то время жила на "Большом дворе", также на чердаке шила нам армянские шерстяные одеяла, щипала шерсть.

Раз в год, перед Пасхой, там, на чердаке, жил барашек. Меня к нему водили и я кормила его зеленою травкой. Потом мне рассказывали всякую чушь, куда он девался. Если бы я знала, что его заколят для пасхального стала, то, вероятно, ничего бы не ела. Я любила бывать на чердаке, так как из его окон открывался вид на четыре стороны.

Время шло, я подросла и настал день, когда появилась моя гувернантка француженка - парижанка, мадемуазель Мари Леритье.

Вначале, очевидно, между ней и моей няней были сложные отношения. Со стороны няни, вероятно, ревность, но потом они подружились. Обе они были добрые.

Меня позвали с няней в зал, где сидели мама, кто-то еще и мадемуазель. Мама мне сказала, чтобы я подошла поздороваться с мадемуазель и что впредь она меня будет учить французскому языку. Мне она сразу понравилась.

Я помню, что продолжала по вечерам быть с няней и спала, как и прежде, с ней в детской, но укладывали и по утрам меня поднимали они обе, причем мадемуазель требовала, чтобы я аккуратно складывала свое белье на стул и наматывала бы свою ленту от волос на перекладину спинки кровати, чтобы утром лента была, как выглаженная. Няня сердилась и говорила: "Не мучайте ребенка".

Гуляла я теперь только с мадемуазель. В Молоканский сад мы не ходили. Говорила я с мадемуазель только по-французски. Она не знала русского языка. Я не знаю, когда я научилась говорить и читать по французски. Мне кажется, что всегда умела свободно говорить и читать, и думать. Со временем мадемуазель немного выучила русскую речь, но ужасно коверкала слова.

Мы занималась с ней в ее комнате. Я за столом, а она тут же у двери на балкон. Я читала вслух, ну, например, "Маленькие женщины и маленькие мужчины" Котес де Сегюра или "Бедный маленький бесенок", или читали стихи, а мадемуазель что-то штопала из своих вещей. Мы очень дружно жили.

Няничка помогала по хозяйству. Ушла она от нас нескоро, но уже нигде не работала. Жила со своей сестрой Полей.

К нам, ко мне ходила часто, многие годы до смерти, а после революции выходила на улицу, продавала семечки. Жарить их она приходила к нам, это уже было, когда нас выгнали из квартиры.

В конце своей жизни она оказалась в "доме призрения". Мама ездила к ней, навещала ее и помогала. Я помню ужасный день, когда мне было 12 лет, мама повезла меня к ней на свидание. Никогда не забуду того ужаса и жалости к нянечке, когда я увидала ее на каких-то нарах, маленькую, совсем высохшую старушку.

Нянечка хотела отдать мне кольца, часы и еще какие-то вещи на память. Когда мама стала отказываться, она заплакала. Рыдала и я. Мама взяла, но потом, когда нянечка умерла, вызвала Полю и вручила все ей. Я всегда с глубоким чувством любви вспоминаю о моей доброй, хорошей нянечке.

Возвращаюсь к описанию нашего дома.

По черной лестнице, напротив нашей квартиры, находилась квартира Хубларова.

Он жил вдвоем с женой и прислугой, под его квартирой была квартира дяди Миши и дяди Кости.

Дядя Миша часто и подолгу жил за границей, а дядя Костя выезжал мало, так как после смерти дяди Вани вел все дела один.

Под их квартирой на первом этаже жил Бабаханов с женой и красивым, но хромым сыном, который учился в Петербурге.

Таким образом, нашу квартиру и Маиловскую со второй половиной дома связывала черная лестница, а вообще у них было парадное по Карантинной улице тоже.

Таким образом, с нашей стороны по Красноводской улице было только две квартиры, а со стороны Карантинной три квартиры по 5 комнат со службами.

На втором этаже была холостяцкая квартира моих дядей.

Они жили с горничной Матрешей. У них был повар Аракел, который жил на "большом дворе".

Внизу, под нашей половиной дома, на первом этаже занимала обширное помещение "Контора Братьев Адамовых".

В первой комнате сидели счетоводы, приказчики. Во второй - бухгалтер, его помощник, а в первом помещении - кабинет. Здесь сидел дядя Костя, там же был сейф.

На улицу выходили огромные окна и дверь в контору. Был вход и со двора.

Я туда бегала иногда, потому, что мне под аркой, где железные ворота, повесили качели и меня пускали, конечно, по разрешению. Я ходила качаться.

Там в моей жизни и появилась Тереза.

Она жила со своей матерью у ее дяди в малюсенькой квартирке из двух комнат, без удобств, без кухни и уборной. Уборная и водопровод у них были во дворе. Одна, их уборная, запиралась по их просьбе, конечно, а вторая была для работников конторы, швейцара, дворников.

Вот тут-то началась знакомство.

Терезина мама, Дарья Степановна, меня всегда зазывала, угождала яблоками и старалась нас подружить.

Я потом узнала, что эту квартиру отдали Давиду Степановичу, Терезиному дяде, по просьбе тети Матильды. Он работал у Тумаевых в качестве бухгалтера и был холост, а уж потом к нему переехала сестра с Тerezой - развелась с мужем. Детей у нас во дворе больше не было. Я, под давлением Дарьи Степановны, заходила к ним в квартиру, и мы играли во дворе, когда мне разрешали.

На качелях я качалась бесстрашно. Взлетала до неба. Я удивлялась, как мне это позволяли.

Во дворе было две лестницы вниз в подвалы. Одна лестница под окнами кухни и галереи дядиной квартиры.

Там, в подвале, были железные ворота, связывающие наш дом с "большим двором". Ключи от замка хранились у мамы в квартире. Другой подвал я не знаю.

От нашего дома, сразу за парадным по Карантинной улице, шло длинное одноэтажное строение с квартирами. На Карантинную выходили окна и парадные. Их было, кажется, три. Это строение кончалась на углу Большой Морской улицы, а за углом был кинотеатр "Форум" с летним зрительным залом, дальше до Гимназической улицы были магазины, а за углом на Гимназической начинались маленькие лавки кустарей. Они шли до редакции, которая уже не была нашим владением. Обратная сторона этих лавок выходила на "большой двор". Были там и жилые комнаты, а вот обратная сторона по Карантинной тоже выходила на "большой двор", это уж были настоящие квартиры с южными галереями.

Таким образом, дед мой оставил в наследство своим детям построенный комфортабельный дом и целый квартал без одного угла.

Мои дяди вели переговоры о купле этого участка и надеялись, что когда-нибудь добьются этого. Я помню, как дядя Костя говорил: «Вот когда купим этот участок, сломаем стену!».

Дело в том, что наш двор с соседним разделяла глухая кирпичная стена, доходящая до второго этажа. Ее воздвигнул мой дед, чтобы изолироваться от соседей.

На большом дворе жили, кажется, только армяне. Мама ходила туда с благотворительной целью, иногда с ней ходила и я. Когда мы появлялись, все, кто был во дворе, а там всегда было много взрослых и детей, приветствовали нас, низко кланялись, разговаривали с мамой, благодарили за что-то.

Каждую осень на большой двор отправлялся сундук с носильными вещами. Со стороны Карантинной в одной из квартир жили наши родственники - тетя, не помню, как ее звали, с сыном-врачом. Я бывала у них с мамой и любила из их

галереи смотреть на жизнь большого двора. Ходили мы туда через железные ворота в подвале №1.

Мадемуазель меня водила на урок музыки. Я не помню, где и с кем я занималась сначала. Я думаю, что тогда мне было лет 5 или 6. Я уже играла по слуху. Пианино стояло у меня в комнате. Занималась я музыкой очень мало, так как быстро запоминала наизусть. Был хороший слух, говорили - абсолютный.

С мадемуазель мы гуляли на бульваре или в Губернаторской саду.

Я любила брать с собой "Диаболо" и, когда играла в него, собиралась публика и смотрела, как высоко я подбрасываю диаболо и ловлю на веревку, а мне было это приятно.

В Баку не было "диаболо", мало, кто его имел. Это мы привезли его из-за границы. У нас все сестры очень хорошо играли в него.

Мадемуазель отвозила меня иногда на извозчике в гости к Тумаевым, а вечером или на другой день, если мне разрешали ночевать у них, приезжали за мной. Для нас, девочек, это всегда был праздник. За столом в столовой я уже обедала со всеми, мадемуазель сидела со мной рядом и тихо делала мне разные замечания.

У нас в квартире постоянно звучала музыка. Виргиния еще училась в Баку. Музыкой занималась у Елены Артемьевны Дорохотовой, много часов подряд сидела за роялем в зале, закрыв все двери.

Сережа играл на виолончели и занимался с Василием Александровичем Дорохотовым, мужем Елены Артемьевны.

У Дорохотовых был сын Боря, который играл на виолончели. Иногда я ходила с Виргинией к Дорохотовым, а Боря, мой приятель и сверстник, приходил к нам. Мы с ним играли какой-нибудь дуэт. Он на виолончели, а я на рояле. Получалось. Потом мы играли в какие-то игры, подружились и по инициативе Бори должны были бежать в Америку к индейцам. Для этого надо было насушить сухари для нашего питания в пути. Все это на полном серьёзе. Так продолжалась дружба с Дорохотовыми, пока Виргиния не уехала в Петербург.

Виргиния и Сережа были талантливы и очень музыкальны. Они с музыкой остались на всю жизнь.

Сережа в какие-то годы поступил в Политехнический институт в Баку; проучился 2 года.

В нашем доме двор был небольшой, со всех сторон закрытый как крепость. С одной стороны в него можно было пройти со стороны парадного с Красноводской улицы, затем были огромные железные ворота, которые всегда

были заперты. Открывались они только тогда, когда привозили что-нибудь на лошадях.

Автомобиля у нас пока не было, хотя я уже каталась на нем с Мими и Лорой. Нас возил дядя Сережа Тумаев.

Открывались ворота и два раза в год - на Рождество Христово и на Пасху: Маилов раздавал бедным бесплатно к празднику рыбу. Это происходило дня три по несколько часов перед праздником.

Сколько раз я из окна нашей галереи наблюдала, как это происходило. Привозили бочки с рыбой, какой я не знаю, открывали ворота и шли, и шли бедные люди, шли, шли без конца. Каждому вручали рыбу - получившие, уходили также через ворота. Так было каждый год.

Нам тоже привозили защищую в рогожу целую тушу осетрины, севрюги и большие голубые коробки с зернистой и паюсной икрой. На коробках было написано: "Икра Братьев Маиловых".

Между прочим, рассказывали, что, когда Маиловы, эмигрировав, приехали в Париж, там долго продавалась их икра, но они за нее, конечно, ничего не получали.

Дядя Костя не брал с жильцов денег за квартиру. Почему они все жили в нашем доме - не знаю.

Меня возили иногда в Маиловский театр. Мы сидели в ложе, я не помню, что я видела в тот период. Может быть, это были дневные концерты и спектакли для детей.

У Маилова был антрепренер Павел Иванович Амираго. Сам в прошлом певец, он в Москве и Петербурге привлекал на гастроли в Баку прекрасных певцов, например, Шаляпин пел в театре и у Маиловых в квартире, пел также Собинов.

В Баку приезжали артисты, потому что щедро им платили.

Павел Иванович Амираго

Маиловы организовали уроки бальных танцев для своей и нашей молодежи. Происходили эти уроки почему-то у нас в зале.

Убирался ковер, свертывался, как рулет к стене, отодвигался рояль. Приходили танцовщица с партнером и таперша. Они, наверное, были характерными танцорами в театре. Я наслаждалась этими уроками, с нетерпением, даже трепетом их ждала. Я не помню, с чего они начинали свое обучение, но думаю, что с ходьбы и полонеза.

Занимались Катя, Женя, Гриша, Миша Маиловы, мои сестры, Сережа - не всегда. Тамары я не помню. Не занималась и Тереза, старшая дочь Маиловых. Она была больна чахоткой.

Сначала я сидела и смотрела на все происходящее, а затем быстро проявила свои способности, на лету все схватывала и шла в первой паре, показывая танец или с учительницей, или с ее партнером.

Я помню - ставили менуэт. Я освоила танец мгновенно, все движения, и на мне был пример. Вот тогда и надо было меня учить серьезно, но, как можно барышне быть балериной, выступать на сцене!

Виргиния, сестра автора воспоминаний Изабеллы

У нас постоянно бывали и часто жили две сестры: Софья Сергеевна, которая со мной занималась арифметикой и русским языком, а сама преподавала в школе не то заводским, не то бедным детям, и вторая сестра - Екатерина Сергеевна, секретарь в музыкальной школе, где она имела комнату и жила. Виргиния наша была талантливая девочка, она в девятилетнем возрасте играла концерт Бетховена с оркестром. Очевидно, дружба с сестрами шла через Виргинию.

Екатерина Сергеевна выезжала с нами на дачу летом в Аджикент. Это за Елизаветполем, в горах, прелестное место, где у Тумаевых была шикарная дача, а для нас снимали дачу рядом с ними.

Нашей молодежи там было очень весело. Они ездили на пикники, постоянно вечерами собирались, танцевали, играли в игры. В Аджикент к нам в гости приезжали двоюродные братья и подолгу жили. А Перча (дочь Ивана и Ольги Адамовых – прим. наше) летом всегда была у нас.

У Тумаевых был рояль, и я помню, какой праздник устроили тете Соне по случаю ее рождения.

Был фейерверк, а до него - концерт.

Виргиния играла на рояле, затем Сережа - на виолончели, Белла Тумаева тоже хорошо играла на рояле. Играли на скрипках Гриша и Миша Тумаевы, играла и Перча на рояле. Виргиния аккомпанировала.

Что-то играли и мы, девочки, а самое главное для нас, детей, были приготовленные нами танцы, Мими танцевала испанский танец, я - казака в присядку, в сапожках и в шапке. Лорочка - польку. Успех у нас был большой. Виргиния была за роялем.

Мы в Аджикенте жили два раза. Мы все ходили гулять на перевал с гувернанткой Мими и Лоры.

Моя мадемуазель с нами не ездила, за исключением Кисловодска. Правда, и в Кисловодске она жила отдельно в комнате недалеко от парка. Каждый день она приходила за мной, и мы ходили гулять с ней в парк. Обычно, сначала мы ходили пить кефир. Были столики прямо под открытым небом. Кефир подавался в очень маленьких бутылочкам. Затем, по дороге домой, мы заходили к ней. Мне очень нравилась ее темная комната, а, особенно, кусочек салями, которым она меня угождала.

Мадемуазель летом обычно уезжала в Париж.

*Виргиния, Изабелла (Белочка) Акоповы и Ваграм Адамов.
1910 или 1911 г.г.*

Наша семья, когда все кончали занятия, уезжала на все лето из Баку.

Помню, мы были в Мариенгофе, ныне Майори в Латвии. У меня в памяти пляж с белым песком, бесконечное купание в море. Было очень мелко, и меня пускали одну в воду. Почти безлюдный пляж, только мои сестры и братья, и обязательный продавец с подносом теплых яблочных слоеных пирожных. Мне всегда покупали, я очень их любила.

Были и бананы, их тоже выносили продавать на пляж и носили по дачам. В Баку же я не помню, чтобы ела бананы. Ананасы были, ни один детский праздник не проходил без ананаса, а бананы - не помню.

У нас, где бы мы ни жили, всегда кто-то гостил. Перча, единственная дочь дяди Вани, красавица, которую я очень любила, да и не только я, с ней дружили все мои сестры, а она любила маму и всех нас.

Ее мать, тетя Оля, была не такая мягкая и добрая, как наша мама. Она была очень решительная, властная и любила, чтобы ей все подчинялись. Мне кажется, что моя мама ее побаивалась.

Однажды, она, как ураган, влетела ко мне в детскую, открыла мой шкаф с игрушками и почти все игрушки вывалила на пол, и сказала, что они уже мне не нужны, что они старые, у меня и так много остается, а у бедных детей в приюте ничего нет, и все приказала вынести. Я помню, что сидела и боялась шелохнуться. Мне было очень жаль моих любимых книг, кукол и т.д. Потом я плакала потихоньку. Няня тоже ее боялась.

Со своими детьми она была очень строга, неласкова и, вообще, как я потом узнала, мало ими интересовалась. Потому они постоянно бывали у нас.

Тетя Оля с Перчей уехала в Париж в 1918 году с английским последним пароходом, на котором и мы должны были уплыть. Больше мы их не видели, и переписываться было нельзя. Теперь их тоже нет на свете.

Младший из ее сыновей умер в Армении, старший - Додя - Давид Иванович, который тоже был в Париже, дошли слухи, что он пропал без вести. Борис тоже погиб на фронте, а вот Гриша (близнец) оставался в Баку, много лет жил с нами. Мы его все любили, был очень мягкий и хороший человек. Он стал врачом и всех нас лечил, а сам умер молодым от туберкулеза легких в Ялте.

Гриша жил у нас и после своей женитьбы. К нам приехала из Тбилиси (тогда назывался Тифлис) его жена Елена с грудной девочкой - красоткой Беллочкой. Они жили с нами уже в квартире дяди Кости, в столовой за буфетом, пока Гриша не получил комнату.

Я отвлеклась, как всегда. Очень трудно писать по порядку, излагая события, так как воспоминания теснят друг - друга и получается хаос.

Бывали мы летом и за границей. Я хорошо помню Кибург, не знаю сейчас, Швейцария это или Германия. Наша семья там жила в отеле.

Был какой-то мальчик, с которым я бегала в парке к автомату. Автомат выдавал за монету в 10 пфеннигов коробочку конфет, или шоколадку, или еще что-нибудь, смотря какую кнопку нажмешь.

Какой же у нас был восторг, когда опустив монету, я получила ее обратно вместе с лакомством. Мы помчались к отелю, чтобы показать взрослым, которые сидели в парке в креслах, что произошло, с полными руками сладостей и монетой. Ведь нас занимало не столько лакомство, как сам процесс.

В это время к нам приехал погостить недельку мой дядя Миша - баловник. Оказывается, он у хозяина отеля купил этот автомат, чтобы доставить мне удовольствие.

Он вообще был очень широкий и любил нас побаловать. Я помню праздник, который он там закатил. Был фейерверк, оркестр, танцы, угощение.

Дядя Миша, мамин брат, был высокий блондин с большими голубыми глазами. Он прожигал свою жизнь за границей и в Баку. Подолгу жил в Париже, Берлине.

Он любил жить красиво, обставил квартиру прекрасно, с большим вкусом, все было продумано, даже стены в столовой должны были быть обиты таким же материалом, каким были обиты стулья, но этот материал так и не использовали для этой цели. Не успели...

Михаил Адамов

Например, из Берлина он выслал, вернее, по его распоряжению, прислали великолепную столовую, очень красивую, и себе - спальню, тоже очень красивую. Его тумбочка и сейчас стоит около моей кровати, но далеко не в том виде, какой была тогда.

Я знаю, что все французское вино, которое хранилось у нас в подвале в ячейках, присыпалось по его заказу. Оказывается, когда ему приходилось по вкусу какое-нибудь вино, будь то в ресторане или в гостинице, он тут же распоряжался отослать по своему адресу не одну сотню бутылок.

Эти бутылки хранились лежа в ячейках, устроенных в подвале от пола до потолка, там же была и лесенка, чтобы их доставать.

Дядя Миша наш последний рояль Бехштейн выслал из Берлина Виргинии в подарок. Всех он баловал, делал подарки и т.д.

Бедный дядя Миша заразился в Париже льюисом, а потом несколько лет был со своей сиделкой в Пятигорске на грязях, но ничего ему не помогло. Начался прогрессивный паралич и, когда он вернулся, а это было в 1920 году, в Баку с сестрой-сиделкой, он еле-еле передвигал ногами, но был внешне такой же красивый.

В своих домашних костюмах сидел целыми днями в Вольтеровском кресле на галерее и читал.

Я думаю, что он не понимал, что читает, очень неразборчиво говорил, потерял речь. Меня просил пойти в контору, взять деньги и купить куклу Беллочке. Он не знал, что нет конторы, нет денег и вообще ничего нет, а маленькую Беллочку он принимал за меня, а меня за кого-то из сестер.

Запомнился мне приезд в Берлин. Мы ехали на автомобиле вечером в гостиницу и меня потрясло (после пыльных бакинских улиц) зеркальное шоссе и улицы, ярко освещенные витрины.

Помню немного и Швейцарию. Мы жили около озера, утром мои сестры должны были пробежаться по росе босиком, а потом мы завтракали на воздухе простоквашей с маленькими крендельками с корицей.

Мы там научились кричать А-лль-ля-ля-ии-оооо! Помню горы и много цветов. Была я и на Рейнском водопаде. Мы туда ходили вместе с теткой Матильдой и Лили. Есть фотография. Снимала Люся всегда нас, она увлекалась фотографированием. Жаль, что в Баку пропали все негативы. Рейнский водопад - потрясающее зрелище. Мы на него смотрели откуда-то сверху, вернее сбоку. С оглушительным ревом, шумом низвергались потоки воды.

В Крыму я смотрела водопад, забыла название, кажется, Ай-Петри, но никакого сравнения нет.

Затем я была в Цюрихе и Шварцвальде. Где-то мы жили одни с гувернанткой, а мама где-то лечилась.

Как-то, возвращаясь из-за рубежа домой в Баку, на какой-то станции меня ждал сюрприз. К нам в вагон села вся Тумаевская семья. Я видела на перроне гору чемоданов, баулов и Мими с Лорой.

Весь вагон международного класса был наш. Взрослые открыли двери своих полукупе, в середину им поставили ломберный стол, они играли в карты. Мы ходили к ним в купе. Мы - это Мими, Лора, их гувернантка и я, а спали мы в четырехместном купе.

Молодежь тоже веселилась по-своему, слышны были взрывы хохота, пенье хором. На станции где-то нам купили черные и мягкие рожки. Они были сладкие и вкусные. Я до сих пор не знаю, что это за рожки. Купила их нам Виргинечка.

Это было мое последнее путешествие за границу. Началась война с Германией.

Жили мы и в Кисловодске на своей даче. Виргиния мне рассказывала, что в 1916 году строилась дача Шаляпина, которая находилась рядом с нашей дачей на "Ребровой балке". Мои сестры с Сережей мечтали о том времени, когда дача будет достроена, и Шаляпин будет жить в ней, и, естественно, петь, а они будут слушать и, конечно, познакомятся с ним и с семьей. Но, увы, больше мы не ездили в Кисловодск, а Шаляпин не достроился.

Виргиния с Люсей зимой уезжали в Петербург, Тамара жила с Перчей в Лондоне. К Пасхе они все приезжали. Меня хорошо и красиво одевали, ведь я была самая маленькая. Мама из заграницы привезла мне матроски с юбками трех цветов: синюю, красную и праздничную - белую, конечно, шерстяные, а также халатики: розовый и голубой с туфельками таких же цветов и помпонами на них.

Квартира наша была пустая. Меня перевели из детской к маме в спальню, а играла я по-прежнему в угловой комнате

Иногда мы все, стоя у рояля, под Виргинин аккомпанемент, хором пели цыганские романсы. Нот у нас всегда было много, и все новинки также покупались. Мне кажется, что Люся была всегда зажинщицей этих спевоек, во всяком случае, меня звала она.

Из Петербурга Люся и Виргиния мне в подарок прислали куклу, одного со мной роста. Ее выиграла Виргиния на каком-то благотворительном вечере. Надо было отгадать имя этой куклы. Виргиния отгадала: "Надежда".

Это была очень красивая фарфоровая кукла в голубом шелковом с кружевами платье, лайковых белых перчатках и в капоре. С Надей играть было трудно, поэтому ее усадили в зале на кресло. Все знакомые к ней привыкли.

Однажды девочки решили подшутить над своими друзьями, переодели меня в Надино платье, надели капор, а на ноги мои белые чулки и туфли, усадили на Надино место, придали мне ту же позу и велели сидеть и не шевелиться до сигнала, а после него я должна была встать и убежать. Потушили люстру, зажгли только в углу лампу, чтобы был полумрак. Я уселись, все их друзья пришли в зал, я все выполнила, был восторг, аханье, хотят, меня захвалили.

Шла война с Германией. У нас в зале шили, вязали дамы - патронессы. Вязали теплые шарфы из шерсти, которую иногда позволяли мне мотать. Шили портянки и укладывали в картонные коробки с гостинцами: печенье, конфеты, табак и т.д.

У Сережи в комнате висела на стене большая карта, где он переставлял флаги и сердился, когда я трогала эти красивые флаги.

Война не повлияла на ход нашей жизни. Так же по большим праздникам все, раз заведенное, выполнялось, не говоря уже о рождестве с елкой, Пасхе с куличами, пасхальным столом. Мадемуазель угощалась так же устрицами, которые глотала с лимоном.

www.ourbaku.com

Бакинцы – друзья дома

Был еще праздник - именины Сережи. По обычанию в этот день подавался "аганц". Это поджаренное зерно кунджуна, орехи грецкие и фундук, фисташки - тоже все жареное в духовке, перемешивалось с подсущенным изюмом. Это было райское угощенье. Обязательно - кята и всевозможное печенье. Приходили без приглашения поздравить маму и Сережу и днем и вечером. Сережа - единственный мальчик в семье, да еще яркий блондин с синими глазами. Все его любили за кроткий нрав.

В этот же период помню "День ромашки" (Благотворительные акции «Дни белых ромашек» проводились по всей России. – прим. ред.). Этот день был посвящен благотворительной цели сбора средств в пользу больных чахоткой.

Приготавливали дома, во всех клубах дамы и девицы цветы ромашки, потом в выделенные дни ходили с опечатанными копилками, продавали эти цветы, деньги опускали в копилку.

Я тоже помогала делать цветы. Лепестки вырезались из белой материи или бумаги, нанизывались на проволоку готовые цветы уже с рыжей серединкой из ниток. Я ходила с Виргинией продавать ромашки. У меня тоже висела кружка-копилка на груди. Многие не брали цветок, а просто опускали деньги.

Мужчины ходили с ромашкой в петлице пиджака. Я перескочила опять!

О Пасхе. Так же накрывались столы. Буквально ломились от окороков, осетрины, икры, телятины и всех яств. Также на 1-ый день Пасхи приходил наш священник с дьяконом, служил службу в зале. Все, все живущие собирались, потом освящал квартиру. Приятно пахло ладаном. За столом сидели они недолго, так как обходили свою паству, спешили в другие семейства.

Я подросла, на меня одели форменное коричневое платье и глухой коричневый фартук, который застегивался сзади на спине.

Меня повели Катя и Эля в гимназию Вальд №2, где учились все мои сестры. Эля и Катя занимались в восьмом, последнем классе. Он соответствовал нынешнему десятому. Они кончили гимназию.

Мне кажется, что во 2-ой гимназии я училась только один год. За мной приходила мадемуазель и вела меня домой.

Напротив нашего дома, также на углу отстроили 3-ю женскую гимназию. На следующий год я стала учиться в этой гимназии. Там же, в одном со мной классе училась и Тереза. Мы сидели за партой вместе.

Учились я хорошо, только мне трудно было на уроках Закона Божьего. Для армянок урок шел на армянском языке, которого, хоть и училась дома с одной ориент (барышней), я не знала. Могла немного читать и писать.

Русские девочки проходили на русском языке. Вели эти уроки священники. Мне приходилось с помощью мамы заучивать наизусть, как содержание, так и молитвы.

У нас в классе учились русские, еврейки и армянки. Когда у нас был Закон Божий, еврейки отдыхали.

На французском языке мне делать было нечего. Когда кто-нибудь неправильно отвечал, вызывали меня, чтобы я поправила.

В гимназию я ходила одна. Мне казались все тупыми и глупыми. Дома я часто слышала разговоры о Распутине Гришке, мне он казался злодеем. Я не понимала, что такое гипноз, но об этом тоже говорилось в столовой.

Когда Николай II отрекся от престола дома у нас не было траура, а говорили, что может быть это к лучшему. Виргиния с Люсей не поехали в Петербург, Тамара с Перчей вернулись из Лондона, больше никого никуда из Баку не пускали. Приехала с Тамарой и Лили.

В Петербурге началась революция. У нас стало меняться руководство. Было, кажется, временное правительство. Я была слишком мала, чтобы разобраться в то время во многом, но понимала, что произошло что-то очень важное.

У меня в то время был дневник, который я вела на конторской книге "Дебет-кредет", о котором я уже писала. Этот дневник пришлось сжечь, потому что в то время начались аресты по любому поводу и репрессии, а у меня в тетради было все очень подробно изложено. Шли целые диалоги. Кто, что сказал по различному поводу. Было жаль с ними расставаться, но держать их было опасно.

На этой тетради крупным шрифтом было выведено: "Пережитое - воспоминания одиннадцатилетней девочки". Значит, это было осенью 1918 года. У меня, конечно, стерлись в памяти все подробности, но самое главное я помню.

Питаться мы стали хуже. Было трудно доставать сахар. Теперь его подавали на стол мелко нарубленным.

Тогда сахар был в виде высоких головок, завернутых в синюю бумагу. Его пилили специальной для этого пилой, вделанной в ящик. Нажимали рычаг и пила пилила.

Анна Давыдовна Акопова (Адамова)

Кофе варила мама сама. Во-первых, она его жарила даже в специальной для этого металлической трубе, которую за ручку вращала. Жарила в столовой на спиртовке. Время от времени она выходила на галерею, открывала специальную щель, выпускала дым, а затем продолжала опять жарить. Это было, как священнодействие. Никому не доверялось, даже Егору.

Тогда, когда у нас в Баку было временное правительство, маму уговарили уехать с нами за границу.

Дядя Костя обещал приехать к нам позднее, по завершении своих дел.

Уже очень многие наши родственники покинули Баку, многие знакомые тоже разъехались.

Я помню чемоданы, поставленные в зале. Хорошо помню, как мама раздавала сестрам какие-то драгоценности и деньги на всякий случай. Я тоже по примеру сложила все свое богатство: браслет детский из дутого золота, медальон золотой с цепочкой, колечко было на мне, брошки, одна золотая, тонкая, как проволока, с усаженными на ней жемчужинами, другая - круглая с рубинчиком, серег я не носила, уши, как говорили взрослые, приличным девочкам не прокалывали. Была еще браслетка из золотой проволоки, как и брошка с жемчужинками. Тогда это были, по сравнению, дешевые безделицы, которые никого не интересовали, кроме меня.

Сложила я все это в свой красный мешочек из красного материала с подкладкой и на завязках.

Все прощались с домочадцами, крестились.

Я помню, что мы ехали на извозчиках. В Баку они назывались фаэтонами. На небольшой пристани по мосткам мы прошли на пароход. Это было небольшое судно. Мы сидели на палубе за столом. Я - около мадемузель. Отплыли.

За этим столом мы что-то пили или ели, во всяком случае, я помню, что стол был накрыт скатертью. Мешочек мой лежал около меня на скатерти. Потом эту скатерть, очевидно, вместе с моим мешочком официант убрал, сначала я

ничего не заметила и про мешочек забыла, потому что к нашему пароходу подплыли какие-то лодки с людьми.

Они останавливали наш пароход, не давая плыть. Они кричали, ругались: «Проклятые буржуи, недобитые сволочи, не пустим, пойдете ко дну». У них были винтовки, они размахивали ими, кричали, ругались, угрожали открыть огонь. Я ужасно испугалась.

Пришел капитан, сказал, чтобы собирались, плыть дальше он не может. Мы все сошли на берег. Вещи нам выгрузили. Я помню, что Тамара и Перча с Люсей пошли звонить по телефону дяде Косте. Через много времени приехал дядя Костя, и мы уехали домой. Все это происходило, наверное, недалеко от Баку. Плыть же мы должны были в Персию. В то время не говорили - Иран.

Мой красный мешочек я потеряла, вернее его украли, убрав вместе со скатертью. Я жаловалась, но никого не трогало, что я лишилась своих красивых вещей. На мне остался только золотой крест с цепочкой и колечко. Это было, наверное, еще в 1917 году, потому что моя мадемуазель еще была жива.

И грянул гром. Заболела мадемуазель Мари очень тяжело. У нее была высокая температура, она была без сознания, так говорили. Вскоре выяснилось, что у бедной мадемуазель черная оспа, ее увезли в больницу.

Наша Элечка была очень добрая девочка, она, несмотря на запрет, проникла в комнату мадемуазель и ее поцеловала. Об этом много говорили. Элю отделили от всех нас, так как боялись, что она заразилась. Пришел доктор, наш семейный, с сестричкой, и у нас в зале сделали нам всем прививку против оспы. Делали и всей прислуге.

Анна Давыдовна с дочкой Элеонорой (Элей)

Бедная мадемуазель умерла в больнице, мне сказали не сразу, а спустя какое-то время. Горю моему не было конца. К нам приезжал французский консул, мама передала ему все драгоценности мадемуазель.

Приехали из посольства и увезли вещи. Я не могла поверить, что не увижу больше мою любимую мадемуазель Мари. С этого времени жизнь моя изменилась.

Я была предоставлена только себе, никто мною особенно не интересовался. Я бегала, когда хотела во двор, играла с Терезой, которая во всем мне подражала. Кроме нас, двоих детей, никого не было, потому, наверное, меня пускали.

К нам в квартиру переехал мой двоюродный дядя Хачатур с женой, тоже немкой, тетей Ирминией, они были бездетны, а почему стали жить у нас - не знаю. Заняли комнату мадемуазель. Помню, что все были возбуждены, мама плакала и говорила, что никуда больше не поедет без дяди Кости, а он или не хотел уезжать, или не мог.

У нас всегда было много народа. Все тянулись к нам. Родственники, знакомые. Много говорили, обсуждали создавшееся положение. Всех поили, кормили. Питались мы, как говорили, плохо. Я помню, что на ужин подавали пшенную кашу и один очень вкусный рыбец, нарезанный на маленькие кусочки.

Неожиданно к нам привезли из Петербурга мальчика - кадета, сына какого-то генерала, которого надо было отправить за границу к родителям. Последние не смогли взять сына с собой. Ему было лет 13-14. Он очень стеснялся, не хотел выходить к столу в столовую. Вначале отказывался вообще от еды и сидел все время у Сережи в комнате. Меня к нему посылали то с тем, то с другим, но просили, чтобы я никому не говорила, что он живет у нас. Он все время молчал или читал. Стал выходить на балкон. Жил он у нас долго, может месяц, а может быть больше, после чего его увезли и переправили, куда надо.

Приблизился фронт, стала иногда глухо слышна стрельба с Чемберкента (кладбища на горе). Над моей кроватью, я спала тогда у мамы в спальне, разорвалась шрапнель, пробив крышу дома и пол чердака. Все ахали и охали, мол, какое счастье, что это случилось днем, а не ночью, когда я в кровати, но мне казалось, что со мной ничего не случилось бы, может быть засыпало немногого, но им виднее. Эту дыру сразу закрыли.

На улице, около нашего подъезда, поставили бачок с водой, дали нам кружки, и мы с Терезой поили солдат, проходящих мимо. Была невероятная жара. Солдат почти не было, иногда шли поодиночке и редко. Тем не менее, мы сидели под наблюдением нашего швейцара Вагана.

Наши девочки, как их называли, работали в госпитале. Помогали ухаживать за ранеными. Приходили домой уставшие, расстроенные. Мало говорили при мне, шептались. Я это очень хорошо помню, потому что была наблюдательная и чувствительная девочка.

У нас в то время веселья не было, но однажды, я не помню по какому поводу, вся наша молодежь и наши двоюродные братья собирались у дяди Кости в столовой. Было вино и что-то из скромной закуски. Меня заставили петь все романсы подряд, какие я знала, а знала я пропасть. Все удивлялись, что я все правильно пою, а потом вдруг Виргиния вскочила, подпрыгнула, встала в позу и запела: "Шир-пыр-нашатырь, туда-сюда-камфара", а потом разрыдалась. Не выдержали нервы, была разрядка. Я это очень хорошо помню. Говорили, что это все из-за виденного в госпитале.

Неожиданно приплыли англичане. Кажется, это было весной 1918 года. Английские пароходы стояли в гавани, и англичане заняли город без боя. Город наводнили английские солдаты. Мне было странно смотреть на их голые ноги и короткие шорты. Они угождали всех желающих плитками шоколада и пресными толстыми галетами, которые мне очень нравились.

Во второй конторе расположился какой-то военный, а у нас в кабинете поселился не то офицер, не то генерал, не помню, получилось так, что и зал был занят, потому что они ходили через него и денщика тоже.

Тамара и Перча сейчас же с ним познакомились, все были довольны, болтали с ними по-английски, а потом у них работали, в качестве кого, не знаю, то ли переводчицами, то ли в редакции. Все было тихо, спокойно, все повеселели.

Напротив нашего дома был ресторан, там гремела музыка, оттуда я черпала свое музыкальное образование, ночью с балкона было здорово слышно.

В Маиловской квартире тоже поселился английский офицер с женой и годовалым ребенком Юликом.

Этот офицер потом оказался кузеном Евгения Евгеньевича Лансере (сына) (Е. Лансере – известный русский и советский художник – прим. ред.) , а офицер Жома Эдварс был женат на Зосе Алексеевой, сестре Ляли и Леры, которые ходили в гости к сестре.

Я была во дворе. С черной лестницы появилась Ляля и Лера, одетые в зеленые пальто и высокие коричневые ботинки. Даже это я помню. Они мне сразу понравились и мы играли, бегая вокруг колодца во дворе и хохотали.

Позднее это знакомство превратилось в дружбу и по сей день.

В Маиловскую квартиру перебрались родственники жены Маилова - Татьяны Хореновны. Брат, врач, с женой, братом и сестрой и другая сестра со своими детьми - Тамарой, Милей и Яшой. С ними я тоже подружилась впоследствии.

Интересно то, что к Эдвардсам приехал из Тифлиса сам Евгений Евгеньевич - отец, художник.

Впоследствии Женя Лансере, когда выяснилось, что его отец был и жил некоторое время у нас в доме, показал мне дневник последнего, где были зарисовки Баку, надпись "Тамара Акопова, Миля Татосова".

Я видела его с балкона, потому что часто любовалась маленьkim Юлинькой.

Майлова задержались в Кисловодске. Я, кажется, уже писала, что там тогда было много аристократии, бежавшей из Петербурга и Москвы. Были известные актеры, певцы и балет во главе с Кшесинской. Естественно, что они знали Майлова по его театру.

В Кисловодске они все передружились, и сама Кшесинская (балерина Императорского Мариинского театра, фаворитка Николая II и Николая Николаевича), чей красивый особняк стоит в Петербурге около мечети, и с балкона которого выступал Ленин, поставила Катюше Майловой цыганский театр на музыку Брамса. Катя танцевала его на благотворительных вечерах в Кисловодске, ей в бубен бросали крупные купюры. Она тогда была очаровательна.

Я знаю это, потому что она приехала к Эле в то время из Кисловодска. Она рассказывала, что все застрявшие в Кисловодске и они, Майлова, не уезжали пока из Кисловодска, надеясь еще на перемену на фронте.

Катюша, зная, что я хорошо танцую, поставила и мне этот танец, который я впоследствии тоже танцевала и имела успех.

Катюша увезла с собой (видимо, в Кисловодск – прим. ред.) нашу Элю, с ними поехал и Ваня Вермишев с Яшой.

Элечка по приезде домой говорила, что прожила там, как в сказке, столько у них было развлечений и веселья.

Больше Эля с Катей никогда не виделись.

У нас дома тоже было оживленно. Тамара с Лилей показали нам, как надо танцевать тустеп, они ему научились в Лондоне. Для показа они одевали одинаковые синие платья, с вышитыми широкими поясами. По-моему, Тамара и Перча хорошо проводили время.

У нас постоянно были за столом англичане.

В квартиру к Хубларовым переехала сестра мадам Хубларовой с мужем, а сами они уехали за границу.

Всё по-прежнему во дворе играли только мы с Тerezой.

В гимназии, где мы учились, был госпиталь, временный.

Неожиданно из Кисловодска приехали тетя Оля с Додей и его женой Тerezой и маленьkim Ванечкой к нам. Они жили у нас. Тетя Оля с ним (с Ванечкой) изображала танец краковяк и пела: "Мама варила варенье, папа пошел на базар".

Они у нас жили недолго. Тerezа с Додей и Ванечкой уехали в Париж, а тетя Оля с Перчей переехали к себе в дом на Николаевской улице.

Все текло так, вроде спокойно, пока не ужесточилось на фронте. Наступали турецкие армии. Началась паника, многие покинули город.

Случилась беда. Сережа наш удрал на фронт. Его нигде не могли найти, хотя нажали на все кнопки, какие только возможны. Бедная мама сходила с ума от беспокойства за него. Подняли всех знакомых в правительстве, чтобы отыскали Сережу на фронте.

Англичане покидали Баку. Наш офицер уговаривал маму и Тамару плыть немедленно на его пароходе. Мама и слышать об этом не могла. Уходил пароход за пароходом. Дядя Костя умолял маму уехать вместе с нами (детьми – прим. ред.). Обещал, что привезет Сережу потом. Телефон звонил без конца. Губернатор (скорее всего, имеется в виду Бакинский уездный начальник – НС Петр Васильевич Лазарев – прим. ред.) предлагал плыть с ним. Что делалось! Мама рыдала, все были растеряны. Тетя Оля с Перчей тоже уговаривали плыть с ними вместе на последнем пароходе.

Приехал очень важный человек из правительства. Я не помню его фамилию, но помню внешность, он что-то говорил по поводу белого флага, который он скоро поднимет, и уговаривал маму тут же немедленно уезжать с английским последним пароходом.

Все было напрасно. Мама ждала Сережу. Она рыдала, говорила, чтобы мы все ехали без нее, а без Сережи ехать не желала.

Последний английский пароход покинул Баку.

Тогда появился Сережа. Его били нагайкой и силой заставили вернуться домой. Его привел его начальник, знакомый нашей семьи. Он рассказывал, что несмотря на то, что фронт уже оставили наши войска, Сережа не хотел покидать фронт, так как был убежден, что все мы с мамой уехали. Для него было трагедией, что мы остались в осажденном городе из-за него! Он был буквально убит!

Это была осень 1918 года.

Мама буквально вцепилась в Сережу, не выпуская его из объятий. По-моему, он тихонько плакал, я была потрясена. Все его обнимали, а он говорил: "Не надо, я такой грязный. Почему Вы не уехали?"

Турки взяли город. В городе началась перестрелка...
Наш дом, как заколдованный, уцелел со своими подвалами...

В дядину квартиру въехал турок, военный высшего ранга с денщиком.

Дядя Костя перешел к нам.

Турок, его звали Рзабей, говорил свободно по-французски с дядей. Он спал в дядиных пижамах, за ним ухаживала Матрена, повар Аракел готовил ему еду. Чувствовал он себя великолепно, он сказал, что берет шефство над всеми нами и что пока он живет у нас, все будет в порядке. Ему нравилась Тамара, но Матрена охраняла Тамару, как цербер. Рзабей советовал сестрам не выходить на улицу, особенно по вечерам. Они и так не выходили первое время даже на балкон, и к окнам нас не пускали.

Рзабей быстро освоился, носил дядины костюмы и белье, когда снимал форму.

Любил пить мамин кофе, когда поднимался к нам. Мы все с ним разговаривали по-французски.

Напротив балкона со стороны Красноводской улицы был ресторан, откуда доносилась музыка. Я черпала все модные мелодии того времени. Особенно хорошо было слышно ночью, если приоткрыть балконную дверь.

Жил у нас в то время почему-то Боря Арунов, и Армен Адамов приехал из Тифлиса. Боря Арунов, мой троюродный брат, виртуозно играл на балалайке и пел песенки Вертина под псевдонимом "Борис Томэ". Он пел так, что не отличишь от Вертина. Выступал он в концертах в костюме "Пьеро", как и Вертина. Пел под гитару и имел очень большой успех. Я не совсем уверена, было ли это в 1918 году или в 1920 году.

В эту зиму Виргиния занималась со мной очень серьезно музыкой. Мы жили вместе с ней в детской угловой комнате, куда я опять переехала от мамы. Мы - это Виргиния, Сережа и я - тогда много занимались музыкой. Я сделала большие успехи и играла уже трудные вещи.

Читали все у нас очень много, и я в том числе. Чего я только не перечитала! У нас была хорошая библиотека, я брала без контроля книги, какие хотела и читала запоем. Перечитала все романы Александра Дюма на русском языке, Сенкевича "Огнем и мечом", "Потоп", "Пан Волodyевский". Читала Толстова, Тургенева, Чехова и т.д. Увлекалась детективами, они тогда выходили отдельными книжонками дешевой редакции - Нат Пинкертон, Ник Картер, кажется, был и Дюма. Читала бесконечные "Приключения Рокамболя" на французском языке.

Все в нашей семье много читали. Мама тоже в свободное время была всегда с книгой.

Наша горничная Катя вышла замуж и уехала с мужем из Баку. Мама подарила ей приданое - брошку и швейную машинку.

Егор еще работал у нас, как ни приходилось ему трудно, но все равно каши у него были особенно вкусные. Десерта уже не было. Сахар нам каждому выдавали по сколько-то, когда хотели, тогда и съедали. По хозяйству помогала Паша, прачка, и какая-то новая горничная.

Наша Виргиния у нас всех, у родственников и прислуги, считалась святой. Ее обожали все. Какая-то тихая, одухотворенная, ласковая.

В эти трудные годы как-то особенно проявился ее альтруистический характер. Для всех - все лучшее, а для нее наоборот.

Ну, например, за столом себе она брала худшее, то, что меньше, а лучшее оставляла другим. Если были какие-нибудь поручения, вскакивала первая и бежала, что бы избавить других, никогда не повышала голоса и была готова всем во всем помочь. В этот период Эля с Виргинией очень подружились.

Виргиния с двоюродным братом матери Ваграмом Адамовым

Я не знаю, чем занимался тогда дядечка. Наверное, контора уже была закрыта, да и нефтяные промыслы тоже. Адамовы входили, кажется, в первую десятку. Я знаю, был Нобель, у которого был дом и хороший парк совсем под Баку. Манташев Леон, которому принадлежали московские бега, беговые лошади. Тагиев, сын которого вследствии во времена НЭПа бывал у нас дома с Тамаринymi друзьями.

Тогда все уже разлетелись, осталась только Тамара и я, и то не надолго.

У мамы, кроме общих с братьями земель, были какие-то и свои земли. Мой отец усердно переводил их на свое имя. Я помню, как однажды мама очень радовалась, смеялась и сказала, что у нее в ее земле забил фонтан, а я видела горящий нефтяной фонтан. Он горел несколько дней большим огнем и был хорошо виден из наших окон. Но это все было, было, а сейчас уже, похоже, ничего не было.

Из наших окон была видна мечеть, на башне которой ходил мулла и что-то пел, хоть это было далеко на горе, звуки иногда долетали.

Бакинские татары тогда в основном были торговцы, на базаре имели лавки и фруктовые магазины. Торговали жареными каштанами.

Тогда они назывались татары, потом стали называться тюрками. В школе у нас ввели тюркский язык. Мы учили азбуку, через год алфавит сменили на латинский, было легче. Затем отменили и уроки.

Борис уехал к своей семье, которая находилась в Тифлисе.

Мама продавала свои драгоценности через Аракела (повара дяди). Так шло время.

В 1920 году, в апреле без боя вошли в ГОРОД красные большевики...

Рзабей, попрощавшись со всеми, выехал из квартиры. Дядя Костя переехал к себе.

Жить стало веселей, девочки стали выходить на улицу, гулять на бульваре, стало спокойнее, мы еще не знали, что нас ожидает. Я выходила играть во двор.

Появился мальчик Лева из семейства Каспаровых, которые переехали, вернее, заняли квартиру Хубларова. Они были родственники последнего, который эмигрировал в Париж. Этого Леву почему-то тоже раньше не выпускали.

Жила там и Роза со своим старшим братом (Каспаровы – прим. ред), впоследствии известные коммунисты, которых потом расстреляли в Ленинграде, а пока они во время мусавата в Баку, помогали большевикам в подполье, прятали Микояна у нас в доме. Об этом и теперь (в период написания воспоминаний – прим. ред.) висит на двери парадной по Карантинной улице мемориальная доска. Во всяком случае, в 60-х годах я сама её видела, когда была в Баку. У них в квартире были сходки. Он (Микоян) жил в Адамовском доме без удобств. Дядя Костя тогда не выдал его.

Но он не был коммунистом, дядя Костя. Он ненавидел их. Да, но и не выдавал. Он был порядочным.

Константин Адамов (д. Костя) с племянницей Беллочкой (Изабеллой) Акоповой, автором воспоминаний.

В дядиной квартире появились люди. Не помню, какое учреждение там стало. Очень удобно обставленный кабинет с сейфом и 2 комнаты со столами и шкафами. Это помещение было занято и при мусавате.

Рядом, во второй конторе, поселилась еврейская семья, у которой по вечерам собирались люди и пели революционные песни. Там жила девочка, постарше меня - Келя, которая зазывала меня петь с ними. Мне это нравилось, я быстро выучила все революционные песни и вечерами ходила к ним на спевки.

Наш швейцар Ваган перебрался из подъезда в другую комнату. Он уже не работал швейцаром. Все ходы были открыты, ворота тоже.

В это смутное время я неожиданно обрела полную свободу. Бегала во двор, когда хотела, даже выходила на улицу, что было бы невозможно в прежние времена.

С питанием было трудно, но голода не было. К нам по-прежнему приходили Софья Сергеевна и Екатерина Сергеевна. Помогали чистить пшено, делали халву из подсолнечного масла и муки.

Тамара поступила на работу с языком в редакцию. Люся уехала в Тифлис и там работала у архитектора Туманова. Он оказался мужем сестры Лансере. Виргиния начала преподавать музыку.

У нас лилось рекой французское вино, потому что боялись, что его заберут. Даже я и Тереза пошли в подвал, вытащили бутылку, как-то ее открыли, немного выпили.

Иногда ко мне приходила Тереза, я ее усаживала на пол около зеркала и лампы, которую тоже ставила на пол и покрывала красной тряпкой-материей, тушила свет и в таком полумраке танцевала всякие танцы, подпевая себе мотив. Тереза подолгу сидела и смотрела на меня.

Люся Акопова – художница (1935)

Люся уехала в Тифлис, потому что уже не могла больше не заниматься своим любимым делом.

Она со своим педагогом Тумановым работала в Армении, снимая, зарисовывая церкви, храмы, двери каменные с изумительным филигранным рисунком по камню и т.д. Будучи в Ленинграде я видела эту красоту.

Виргиния стала преподавать в музшколе. Я поступила к ней в класс. Мими и Лора тоже.

Виргиния по просьбе Дарьи Степановны занималась с Терезой дома бесплатно. У нее не было способностей и слуха.

Неожиданно к нам пришла тетя Анна Будагова, двоюродная сестра мамы, и привела Маиляна. Последний набирал к себе в студию одаренных детей. Меня заставили протанцевать все, что я умею. Затем я сыграла на рояле, и он меня взял к себе в студию. У него была "Студия одаренных детей".

Тетя Анна со своим сыном Фарадом вскоре уехала в Париж, а я стала посещать студию.

Тереза меня сопровождала, так велела Дарья Степановна. Она сидела, смотрела, ее никто не прогонял, но и не занимал, делать она ничего не умела.

Маилян ставил спектакль "Миньон". Это была трогательная история.

Бедная, бездомная девочка почти замерзает на улице. Она голодна, плохо одета, без крова. Рождественская ночь. В окне дома видна нарядная елка, слышится музыка. Она ложится к стене и засыпает, исполняя трогательную песню, и видит волшебный сон. Я - царица Ночь, появляюсь на сцене в воздушном, прозрачном костюме, сверкающем звездами, блестками и бисером, и танцую, вызывая разных Фей. Весь балет был полон добрых фантастических персонажей, и все было красиво: и зрелище, и музыка. Я не помню точно, кажется Миньон не умирает, а возвращена к жизни и счастью.

Мы имели большой успех, нас приглашали в разные клубы. Шел одноактный балет, а во втором отделении концерт. Выступали мальчики скрипачи, виолончелисты, пели хором. Я обязательно выступала как пианистка, играла какую-нибудь пьесу, сразу переодевалась и танцевала казачка в красной шелковой рубахе и лакированных сапожках (Тамаринки английские от ее амазонки) с папахой на голове, которую в конце танца я швыряла в публику. Иногда танцевала цыганский танец, а иногда танец пьяного матроса "Матлет".

После выступления нам всем выдавали несколько яблок и каравай белого хлеба. Я все приносила домой. В основном у нас были утренники.

Были летние каникулы. В школе отменили тюркский язык, а Закон Божий уже был отменен раньше при мусавате.

А тем временем в Баку получили письмо от Люси из Тифлиса, в котором она звала Виргинию приехать к ней. Виргиния уехала, но вскоре мы узнали, что она заболела.

Мама взяла меня с собой в Тифлис, так как не хотела оставлять без себя. Люся снимала комнату, довольно большую. У Виргинии оказался брюшной тиф. Через неделю заболела и я, диагноз - тоже брюшной тиф... Меня лечил и вылечил наш Гриша Адамов. Мама, бедная, ухаживала за нами. Мы, конечно, лечились голодом. Сначала поднялась Виргиния, а когда поправилась и я, мы вернулись в Баку.

В том же 1920 году нас выгнали из нашей квартиры. Пришли какие-то люди в кожаных куртках, осмотрели всю квартиру и заявили, что надо освободить квартиру до следующего утра, иначе уйдем без вещей.

Началась паника. Тогда выселяли без предоставления жилплощади. Иди, куда хочешь, выбрасывали, буквально, на улицу. Я хорошо помню, какой это был вечер и какая ночь! Всю ночь таскали вещи. Пришли помочь приказчики, которых вызвали, швейцар (бывший), дворник, кое-кто из

молодежи, дяди и вся прислуга - наша и дядина. Всю ночь таскали вещи, часть на чердак, часть к дяде. Носили по черной лестнице.

К дяде Косте перенесли рояль, куда попало мое пианино, не знаю. Наверное, много вещей подарили. Значит, к дяде перенесли рояль, мамину спальню, ковры, наши кровати, посуду, которая получше: сервиз, хрусталь, фарфор и носильные вещи, постель. Больше ничего не помещалось, потому что у дяди была меблирована вся квартира из пяти комнат, и комнаты были меньше по площади, а у нас девять комнат, из которых столовая и зал были очень большими.

Часть носильных вещей - на большой двор к Макан, для раздачи. Очень много мебели, например, столовую, гостиную мебель, шкафы книжные и гардеробы, столы письменные и стулья, всего не перечислишь, главное, наши прекрасные книги, посуду и т.д. отнесли на чердак, где постепенно все разворовали.

Не помню, взяли ли люстру. Игрушки и игры мне взять не разрешили. Куда девалась люстра из зала - я не знаю. Потом я не видела ни одной нашей лампы, так как у дяди были во всех комнатах. Я бегала всю ночь вместе со всеми вниз и вверх по черной лестнице, помогая переносить вещи. С нашей квартирой мы рас прощались навсегда! Кончилось безоблачное детство.

Наш повар Егор был уволен, так как у дяди был свой повар Аракел, который жил на большом дворе. Горничная тоже ушла. У дяди мы кое-как разместились. Пришлось вынести много мебели из гостиной, чтобы поставить три кровати и рояль.

Дядю Мишу уже привезли из Пятигорска, он и его сиделка заняли дяди Мишину комнату. Дядя Костя в своей, в кабинете - мама и Тамара, в гостиной - Виргиния, Эля и я. В столовой - Сережа, а позднее - Гриша Адамов с женой Еленой и дочуркой Белочкой. А потом реквизировали и столовую, там все годы жили чужие люди. Таким образом, позднее, мы лишились и галереи.

Люся еще была в Тифлисе. Потом она уехала в Петербург.

Внезапно приехал Ваня Вермишев (сын редактора-издателя газеты «Баку» Х.А. Вермишева – прим. ред.), и вскоре была Элечкина свадьба. Свадьба скромная, конечно, но было много вкусного. Тетя Соня приготовила пирожное, было и припрятанное шампанское. Были все братья Тумаевы. Нам с Мими и Лорой было очень весело. Ваня все время сидел около Эли на коленях на полу и влюблено на нее смотрел, никого больше не замечая.

Через несколько дней Эля с Ваней уехали в Цинандали, где у Вермишевых было имение. Имение было небольшое, но все же большой дом с верандой, виноградник, огород. Было помещение с протянутой сеткой, в которой давили виноград на вино.

Я была там с мамой, мы поехали к Эле к ее родам. При нас осенью родилась Китти (Екатерина Вермишева (1925) - народная артистка РСФСР, кинорежиссер).

В это время был сбор винограда, его давили только мужчины, женщины считаются нечистыми и давить не допускаются, но я с Ниночкой Вермишевой давили два раза.

На дворе поставили большой чан на костер, где варился сок винограда для чурчхел. Это имение принадлежало двум семьям Вермишевых, но в качестве кого и где там работал Ваня, я не помню.

Но я забежала вперед.

Эля уехала. В комнате остались Виргиния и я.

Уволили сиделку, ее заменила Матреша.

Наш Сережа поступил в политехнический институт. В этот период виолончель он забросил.

У Виргинии было много учеников. Я тоже зарабатывала, но недолго. Репетировала одного мальчика, получала 10 рублей, золотую монету.

Маилян уехал заграницу, студия его распалась. В музыкальной школе был показательный вечер. Играла Мими и я. Мы очень хорошо выступили. Я сама чувствовала, что хорошо играю. Волновалась я сильно, но пока не вышла на сцену.

В нашей бывшей квартире устроили клуб для раненых красноармейцев.

Сломали стену, соединяющую зал с маминой спальней. Пол в маминой комнате подняли и получилась сцена. В зале стену, ведущую в кабинет, тоже сломали. Получился большой зрительный зал.

В столовой было фойе. В моей бывшей детской - артистическая. Около сцены пианино, не помню, наше ли.

В нашей школе был лазарет для военных.

Очень скоро выступать стала и я. Успех имела всегда, наверное, потому, что была одна маленькая девочка из артистов. В домоуправлении, которое находилось у нас в подвале дома, мне выдавали пшено, изюм и черный хлеб. Это было несколько месяцев, но было.

В городе шли обыски, аресты. Мы какое-то время одевали двойное белье на случай, если все унесут.

Мама зашила драгоценности в туловище моей мягкой игрушки - собаки. Эта собака валялась на полу, но было тревожно за нее, решили закопать на чердаке. Ночью мама в обществе Матрены и Аракела это совершили.

Как-то во время обеда вошли вооруженные солдаты, одним махом взяли со стола серебряные ложки. Потом открывали ящики, кое-что унесли, в квартире на полу были разбросаны игральные карты, которые вышивали.

Тумаевых тоже выгнали из их шикарной квартиры, дома. Их поселили у себя родители Додиной жены - Бегляровы. Они им отдали зал. Самоуплотнились, надеясь, что тогда их не тронут. Тронули...

Тетю Варю с Гришой тоже выгнали из родного гнезда. Тетя Варя, мамина подруга, с которой она была очень близка в Шуше, жена дяди Петруса, брата

моего отца. Им удалось устроить одну комнату в квартире Маиловых (бывшей). Помогла мама.

Я пишу обо всем этом для того, чтобы легче представить хаос, создавшийся в Баку в те годы.

Арестовали дядю Костю во второй раз. Я забыла написать о том, что в начале мусавата в конце 1918 года, его также арестовали, но помог Рзабей, он просидел недолго.

А Микоян, хоть и был обязан дяде, хотя бы за то, что он не доносил о том, что Микоян скрывается в его удобном для конспирации доме, наоборот, в своих мемуарах упоминает о нем презрительно, неуважительно, между прочим. Я сама читала и возмущалась.

Дядю арестовали, горе у нас было большое, не могли узнать, где он, передачи не принимали. Мама была в ужасном состоянии, все время плакала и курила. По-моему, ночью она тоже не спала.

Дядя пришел неожиданно. Мы не верили своим глазам - что он жив. Вид у него был измученный.

Я не знаю подробностей его пребывания в заключении, при мне об этом не говорилось, но я знаю, что понадобились его знания и опыт как технолога. Он стал работать, налаживать дела в области добычи нефти. За ним даже приезжали, отвозили в Азнефть и привозили обратно, это уже когда образовался Азербайджан.

Таким образом, у нас работали дядя, Тамара и Виргиния. Мама продолжала продавать драгоценности через Аракела, который ее безбожно обкрадывал.

В один из вечеров, когда мама с Матреной пошли на чердак в тайник, оказалось, что он пуст.

Дома оставалась Тамарина бриллиантовая брошка. Она была длинной формы с рядом довольно крупных бриллиантов. Вынули два камня, и наш Сережа с зашитыми в брюки бриллиантами отправился в нелегальное путешествие в Персию, а именно в Энзели. Ему эту поездку устроили.

Он благополучно доплыл до Энзели, там на бриллианты выменял мешок риса и вернулся через несколько дней домой. Ведь в Баку было очень тяжело с продуктами. Мама, конечно, переживала, когда Сережа уехал.

Потом, после Тамариной брошки, пошли в ход мелочи. Цепочки от наших крестов, которые носить уже нельзя было и т.д., и т.п.

Сереже очень нравились персы. Он рассказывал, что к нему хорошо относились и что они симпатичные люди. По прибытию к Бакинской пристани Сережа нанял амбала, дал ему адрес, куда нести мешок с рисом. Сам он шел отдельно, чтобы не привлекать внимания, боялся, что реквизируют, как все в то время, амбал рис принес, к великому удивлению наших, а мог бы убежать. Пришел и Сережа - цел и невредим.

Аракела уволили или он сам ушел, не помню, мама сама стала готовить обед и ходить на базар. С базара она часто приходила с амбалом, если корзина была тяжелая. Матреша помогала по хозяйству, я накрывала на стол и убирала посуду.

С наступлением лета Сережа с Гришой Акоповым уехали в Москву устраиваться на работу в «Араат» (Московский винно-коньячно-водочный завод Армянского виноградно-винодельческого треста "Араат" – прим. ред.) по протекции. Нас осталось мало, мы как бы осиротели.

Я была смелая, даже отчаянная девочка, не то, что сейчас. Я вылезала из последнего окна галереи: встав одной ногой на выступ карниза, а другой - правой, быстро перепрыгнув на стену, можно было, обогнув немного дома, пройти по крыше (плоской) одноэтажного строения, которое тянется по Кантанной улице, до кинотеатра "Форум".

Летний экран находился напротив. Вечером все прекрасно было видно.

Сначала я смотрела фильмы одна, а потом научила и Терезу перепрыгивать со мной на крышу, и мы с ней смотрели фильмы, некоторые не один раз, видели все душепитательные фильмы с Верой Холодной, Максимовым, Руничем, Мазжухиным. Смотрели американский боевик "Кабиря" и "Матист на войне". Чего только не смотрели!

Я до сих пор не могу понять, как можно было допускать такое со стороны взрослых. Не может быть, чтобы они не знали, что мы лазаем в окно, а затем - на соседнюю крышу. Дело в том, что под окном, из которого мы прыгали, была каменная, глубокая лестница, ведущая в подвал. Если бы мы сорвались, то разбились бы в прах.

Анна Акопова (Адамова) с внучкой Катей Верещагиной

Позднее Катя Верещагина ходила по этому карниzu, доводя маму до истерики, когда жила в Баку. Меня там уже не было, а Виргиния, приехавшая из Ленинграда с концертами, она тогда дала концерты в Тбилиси, Ереване и Баку, из-за этого увезла ее в Ленинград.

Катя ходила по карниzu, но на крышу не перепрыгивала, тогда уже не было летнего кинотеатра, вернее экрана.

Конечно, в те смутные времена всем было не до меня, у всех были проблемы, но я после чрезмерной опеки получила свободу и много времени летом проводила вне дома.

Таперша устроила мне выступления в ближайшем клубе. Ей это было на руку, она знала мой репертуар и получала деньги, а я, конечно, нет.

Мне исполнилось 14 лет, я выросла из всех своих вещей, и начала сама себя одевать. Что-то переделывала из вещей сестер, а вообще летом была одета, но не было обуви. Помню я отрывала каблуки со старых туфель сестер и так ходила.

Я никогда для себя ничего не просила, впрочем, это было чертой всей нашей семьи. Все отказывались у нас в пользу других от еды, когда чего-то было мало, и от вещей. Дядечка называл это "китайскими церемониями".

За столом велись политические разговоры между дядей, Тамарой, мамой, Сережей. У нас каждый день бывал кто-нибудь из друзей или родственников, по-прежнему всех кормили, чем было. Я слушала эти разговоры, впитывала, многое не понимала.

У нас в прежней квартире прикрыли клуб, а появилось много живущих там людей. Изуродовали квартиру, сломав две стены, и бросили.

Ваган со своей красавицей женой и прелестными детьми Сережей и Элей перешел жить на чердак. Занял удобное помещение с печью. Мама им отсыпала оставшийся от обеда суп, на другой день не оставляли, а второе, от обеда, подавали на ужин в холодном виде дяде, а мы пили чай.

Питались мы всегда прилично. Мама очень вкусно готовила и пекла пирожки.

В июле 1921 года мама со мной выехала в Тбилиси, а затем в Цинандали. Мы остановились у дяди Никиты Адамова, владельца электрической станции, которую уже отобрали, а квартира пока осталась у него. Я сразу подружилась с моими троюродными сестрами Марианной и Женей и братом Шурой.

Были мы с мамой и у Тумаевых, которые перебрались в Тбилиси из Баку, после смерти дяди Аршака и замужества Беллы. Она вышла замуж за персидского подданного и с ним уехала в Тегеран.

Миша поступил в оркестр и уехал во Владикавказ. Тетя Соня осталась с Гришой, Мими и Лорой.

Не было конца нашей радости при встрече, через несколько дней мы уехали в Цинандали, везя приданное для беби.

Нас встречали Элечка с большим животом и Ваня. Мы целовались, обнимались и радовались встрече.

У меня сохранились самые теплые воспоминания о нашем пребывании в Цинандали. Там жили Ванины двоюродные братья Жора и Коля и сестра Ниночка, все мы были почти одинакового возраста, быстро подружились и превесело проводили время то гуляя, то играя на веранде.

Ваня создал из нас хор, мы по вечерам пели под его руководством. Днем тоже все время вместе, валяли дурака, шутили, и мы с Ниной хохотали по любому поводу. Было всегда весело.

Ваня устроил нам пикник. Мы поехали в телеге, запряженной буйволами, на реку Алазань. Ехали долго, по дороге распевали песни, приехав к реке, развели

костер, был ли шашлык - не помню. Кажется, пекли картошку, что-то ели. Весело было .ужасно, если можно так сказать.

Приехали домой уже под утро счастливые и благодарные Ване. В телеге мы лежали на сене, ехали ночью во тьме, на небе низко звезды, пели грузинские песни вместе с возчиком.

Грузины очень хорошо поют хором и любят петь. Пели при сборе винограда, о котором я уже писала раньше, и во время давки винограда. Мужчины, вымыв ноги, влезали в сетку с виноградом, давили и пели. Сок от винограда через несколько дней превращался в молодое вино. У грузин оно называлось маджари.

Вечерами Ванечка устраивал, чтобы развлечь Элю и меня, выступления. Он танцевал, изображая балерину. Это было восхитительно. Он носился по комнате, прыгал, вертелся и т.д.

Наконец, настал долгожданный день, нас, молодежь, отправили на огород, запретив приходить домой. Мы как-то были далеки от истинной причины нашего изгнания, просто как-то не думали об этом, занятые своими делами. За нами пришел счастливый Ваня и заявил, что родилась девочка Катя.

Эля задумала назвать, если будет дочь, в честь Кати Маиловой - Катя. Она продолжала нежно любить свою подружку, с которой ей больше не пришлось свидеться.

Нам показали спящую малютку. Мне было странно, что я стала тетей. Это было 20 августа.

Вскоре мы с мамой уехали в Баку. Я опаздывала к занятиям в школе. С Элечкой не хотелось расставаться, но порешили, что в скором времени Эля с Китти приедут в Баку.

Дома было все без перемен.

Начался зимний сезон. Я много занималась музыкой, много занималась уроками в школе. Больше нигде не выступала, читала тоже много.

У дяди Кости в комнате был книжный шкаф с классикой. Он разрешал брать книги. Появилась переводная литература Бенуа, Локка. Тамара покупала или приносила. Мы все дома увлекались этими книгами.

У нас была радость, когда приходили письма от Люси и Сережи. Люся уже продолжала учиться в Архитектурном институте, а Сережа устроился в «Аарат», торговал вином, музыку пока забросил.

Он с товарищем снимал комнату, вернее, Сережа снимал, а Жорж Калантаров у него жил.

Весной к нам приехала Эля с Китти, которой уже было месяцев 7-8.

Начинался НЭП.

Виргиния хорошо зарабатывала, и приодела себя и Элю. Они ходили в высоких кожаных ботинках на шнурках, высоком каблуке, бронзового цвета,

сделанных на заказ за сумасшедшие деньги. Было шикарно. Тогда у них, особенно, у Виргинии, были стройные ноги, тонкие прекрасные фигуры.

Китти была смышленая девочка, быстро-быстро ползала, хоть еще не говорила, но все понимала.

Эля пожила и опять уехала с Китти в Цинандали, а к нам из Тбилиси приехал наш Гриша Адамов с женой Еленой и дочерью Беллочкой.

Стало опять многолюдно.

Гриша с семьей расположились в столовой за буфетом. Гриша кончал мединститут, а Елена училась в заочном в экономическом институте. Питались с нами. Жили дружно, но я понимала, что мировоззрение Елены не совпадает с Тамариным, дядиным, маминым и даже Гришиным. Тем не менее к ней относились снисходительно и не вступали в споры.

У меня появилось много друзей-подружек, с которыми ходила в свободное время гулять на бульвар.

Домой в гости почти не ходили. Все жили стесненно. На юге этого и не надо было. Тепло, когда нет норда, всегда хорошо, а вот, если НОРД-ОСТ подует, держись. На улице трудно ему сопротивляться, а дома даже при закрытых ставнями окнах и балконных дверей, все покрывалось густым слоем пыли. А потом, когда дует моряна, все тело становилось влажно-липковатым.

Ранее мы не оставались на лето в душном, пышущем жаром городе, а теперь, как правило, никуда не выезжали. Даже зимой в Баку было не холодно, ведь девочкой я круглый год ходила в носках, лишь иногда натягивала чулки.

Говорят, что в Баку изменился климат и стало холоднее. Может быть, но я помню, какая была радость, когда зимой выпадет снег!

Это было чрезвычайно редко, и снег долго не лежал, он таял, ну самое большое через несколько часов, к моему огорчению. Зато сейчас я его не люблю.

Взрослые освоились со своим новым положением. К дядечке иногда приходили его друзья. Играли у него в комнате в покер или преферанс. Мама, по старой памяти, им на ужин жарила на вертеле филе из говядины.

Приехали Амираго Павел Иванович с Таней. Он сразу устроился в театр оперы и балета, теперь уже не Маиловского, а им. Ахундова. За Амираго, конечно, ухватились руками и ногами, как говорится.

Они поселились на Карантинной, недалеко от нас, и часто к нам приходили, а мы стали посещать театр.

Кстати, приехал Горовиц (В.С. Горовиц - один из величайших пианистов XX века – прим. ред.) с концертом. Виргиния взяла меня на его концерт. Я была потрясена. Он играл, как бог. Горобец приехал из Киева, где он окончил консерваторию.

Он приезжал еще раз, а затем уехал за границу.

В Россию он приехал только в 1988 году. Его и теперь почитали, почитали и устраивали овацию. Я его видела и слушала по телевизору. Конечно, сравнения быть не могло - старика и юноши, но, конечно, поражала музыкальная память, он играл большую, труднейшую программу и исполнял на бесконечные бисы щедро. Давал он концерты в консерватории только днем. Я слушала его и вспоминала, как слушала я его в Баку, сидя рядом с Виргинечкой в 20-е годы. Теперь Виргинии не было,

www.ourbaku.com

Тамара Акопова (справа) с друзьями

Таня Амираго дружила с Тамарой, у них были интересные знакомства с актерами, иногда кое-кто бывал и у нас.

Матрена заявила, что собирается покинуть нас, уезжает в Ленкорань работать. Она хотела открыть свое дело. Средства, как она говорила, она скопила до революции, у нее есть вещи, подаренные ей за годы службы. Она имела в виду часы, кольца, броши.

Матрена во время карточной игры у дяди подавала новые запечатанные колоды карт к новой игре, и за это ей оставляли хорошие куши. Получала и чаевые.

Надо было срочно найти прислугу, так как одним оставаться с дядей Мишой было не под силу.

Выручила нас тетя Леля. Она уговорила перейти к нам свою работницу. Самой ей уже трудно было содержать домработницу, а дети уже выросли.

Марина, эта наша новая домработница (уже не горничная) перешла к нам, она охотно согласилась, ей назначили хорошее жалованье, и тетя Леля жила напротив нашего дома, она всегда могла навещать и даже помогать тете. Матрена, ознакомив Марину с работой, через неделю, после театрализованного прощания (она всегда была актрисой) уехала.

Марина, простая, добрая, толстая женщина, без лоска и светских знаний, обрела мое расположение к ней, а ко мне она привязалась.

Матрена открыла в Ленкоране колбасный завод.

Тем временем приходили письма от Люси, настаивающей на приезде Виргинии в Петроград. Консерватория работала. Профессор Николаев занимался со студентами. Виргиния стала собираться в дорогу. Я грустила, так как была очень к ней привязана и любила ее.

После ее отъезда стало совсем тихо в нашей квартире, но покоя не было. У нас отняли комнату, где была столовая. Реквизировали, как тогда говорили. Столовую мебель перенесли в бывшую гостиную, где жили Виргиния и я последнее время. Опять отодвинули шкаф, где поселились Гриша с Еленой и Беллочкой.

Я и рояль переехали к маме и Тамаре. Я оказалась на диване под портретом дедушки и бабушки, которые висели у дяди в кабинете.

В бывшей столовой, которую отняли у нас, поселились тихие люди, муж, жена и сын, мальчик. В кухне появился еще один стол с керосинкой.

На галерее я уже занималась шитьем, хоть там и оставался стол и швейная ножная машинка "Зингер", на которой я одна шила. Больше никто не умел. А раньше шила домашняя портниха, рыжая Шура, хохотушка и кошатница. У нее было две или три умные кошки, о которых я любила слушать. Она перед уходом домой говорила: "Сейчас зайду, куплю кошечке печеньку, они уже ждут".

Шура шила иногда и на этой квартире, после нашего переезда к дяде.

Дядю Мишу Марина продолжала выводить на его кресло, а он все продолжал просить меня пойти в контору, взять деньги и купить Беллочке, которую он принимал за меня, куклу. Мама очень была тревожно настроена. Волновалась за всех своих хороших детей.

Я очень скучала без Виргинии, музыкой не занималась. Перед отъездом Виргиния мне сказала, что со временем возьмет меня к себе в Петроград. Так оно и получилось, а пока в Баку нас у мамы осталось только двое.

Гриша закончил мединститут, стал врачом, устроился работать ординатором в какую-то больницу. Ему обещали дать жилплощадь. Примерно через год он получил комнату и они переехали от нас. Но не долго пустовало за буфетом.

К нам из Тбилиси приехал дядя Никита Адамов, он бежал в Баку. У него отобрали электрическую станцию, дом по Михайловской 15, я даже помню, как это ни странно, адрес. Он боялся за себя. К нему в квартиру в Тбилиси понеехало много родственников из Москвы и сестра Марта с детьми из Баку. Это тетя Марта, с которой моя мама воспитывалась в Шуше.

Квартиру у дяди Никиты не тронули, потому что собралось много людей, иначе обязательно бы уплотнили.

Он боялся за себя, шли аресты. От его бравого и веселого вида ничего не осталось. Он был убит, а раньше, всегда когда приезжал в Баку, шутил, острил, всех заражал своим весельем.

Опять начались разговоры, Философствования за трапезой между дядей Костей, Хайком, который каждый день приходил к нам, Никитой, Тамарой и мамой. Я любила их слушать. Мама уже начала вязать на заказ шерстяные жакеты и кофточки. Она немного зарабатывала, и я помню, что своими деньгами расплачивалась с торговцем маслом, которое он приносил на дом, а мама его топила. Почему-то она всегда была должна Мешали, так его звали.

Открытый и гостеприимный дом у нас был и в это трудное время. Пожалуй, единственный из домов многих наших родственников и друзей. Все со своими невзгодами и трудностями шли к нам. Ко мне тоже приходили мои многочисленные подружки, но я их не угощала. Это было не принято тогда между девочками. Если комната была занята, мы сидели на уличном балконе, а большей частью ходили гулять на бульвар, чтобы не стеснять никого.

К нам пришла Екатерина Сергеевна и сказала, что она договорилась с профессором Пресманом о встрече со мной. Мне надо подготовиться, вспомнить сонату Моцарта. Он меня прослушает. Я еще хорошо помнила из того, что играла последнее время занятий с Виргинией, а потому встреча состоялась вскоре. Мы с Екатериной Сергеевной пришли в класс Пресмана в назначенное время, я, конечно, волновалась немного, но была в себе уверена, знала, что играю хорошо.

Пресман меня терпеливо выслушал и сказал, что берет меня в свой класс, но чтобы я пока больше ничего не играла дома. Он будет менять мне постановку руки. Я знала, что у меня хорошо поставлены руки. Неоднократно Виргиния мне говорила, что передала мне Николаевскую постановку руки. Руки у меня всегда были свободны, пальцы не напряжены и сильны, как это требуется. Немедля сообщили Виргинии. Ответ не заставил себя ждать. Виргиния категорически запрещала отдавать меня на обучение к Пресману в консерваторию, если он собирался менять мне постановку рук. Мне она тоже написала, что после своего окончания консерватории и устройства возьмет меня к себе в Ленинград.

Потом, будучи уже в Москве, я читала книгу о Рахманинове и была очень удивлена, когда вычитала, что Рахманинов жил с Пресманом у Зверева, когда они учились в Московской консерватории. У кого они учились - не помню, надо найти книгу и прочесть, поскольку я все это вспомнила.

У нас дома жизнь шла по-прежнему, только уже без Матрены. Наша новая домработница была очень хорошая и бесхитростная женщина. Ко мне она привязалась, а мне с ней тоже было спокойно.

В школе считалось, что я хорошо рисую, и мне предложили нарисовать портрет Ленина. Я достала журнал, где была фотография Ленина за столом. Купила ватман и стала снимать копию, сильно увеличив лицо. Рисовала углем. Вначале все получалось. Рисовала с увлечением, хотелось добиться, но не нравились глаза. Помог дядя Хайк. Он хорошо, наверное, рисовал, хоть я и не знала об этом. Он посоветовал мне, что надо исправить. В результате все получилось очень хорошо и я отнесла в школу портрет.

Какого же было мое удивление через несколько дней, когда я увидела свой рисунок на стене коридора в раме.

А еще больше я удивилась, когда, будучи в Баку с Сереженькой через несколько лет, пошла в эту школу, чтобы взять справку, и увидела этот же портрет, подписанный моей рукой - ученица III группы II ступени Б.Акопова.

III группа равнялась теперешнему 9 классу, не смешно ли, что способности были разные, а в результате ничего не получилось.

Ведь я перешла в VI группу 11-ой ступени, т.е. в 10-й нынешний класс и не доучились.

Как это могло случиться, что я перед окончанием бросила школу? Правда, в те годы на это смотрели спокойно. Многие мои знакомые бросали школу еще намного раньше и шли на работу или еще куда-нибудь. Многие уходили учиться машинописи или стенографии. Кому надо было, потом сдавали экстерном.

Мне же это не нужно было, потому что тогда мне говорила Виргиния, что я попаду в консерваторию и со своими знаниями. А в результате я поступила в театральные мастерские и не жалею об этом. Но это позднее.

Я все куда то забегаю вперед и нужно возвращаться.

Дядя Хайк увлекался ученьем йогой. Он иногда без движения сидел, устремив глаза в одну точку очень и очень долго. Я знала, что тогда его тревожить нельзя.

У Тамары были складные шахматы из слоновой кости, были все фигурки. Пропала одна фигурка, дядя Хайк вырезал очень хорошо копию из дерева. Играли в шахматы дядя Костя, Хайк и Тамара. Я не интересовалась ими, а потому не научилась играть, а любила играть в нарды.

Нарды были прекрасные, тоже слоновой кости и художественно оформленная доска благородного дерева. Я не знаю, куда они девались. Что я еще вспоминаю, это библию и священную имторию. Эти книги мы все приходили смотреть к дяде, когда еще жили у себя. Потом я их не видела. Книги большого формата, красные, тисненные золотом обложки, как футляры с прекрасно оформленными гравюрами, под папиресной бумагой. Я не помню, на каком языке.

Видела я их и смотрела иллюстрацию, наверное, еще до революции. Куда все это девалось, не имею понятия.

Может быть продали, но продавать у нас в семье никто не умел.

Мама как -то при мне продала какие-то носильные вещи старьевщику, который ходит по дворам и кричит: "Старые вещи шурумбурум покупаем", за какие-то гроши. Она сказала, что ей нужно отдать долг за масло. Это масло ей приносил в ведре прямо на дом татарин и оставлял в долг. Она постоянно была должна за масло, боялась попросить у дяди или Тамары, и так вот переживала. Она старалась вкуснее всех кормить, иногда печь, а денег, которые ей выдавали на хозяйство, было недостаточно на ее привычки, вернее, на желание доставить всем приятное.

Мама была очень мягкая скромная женщина, она никогда для себя ничего не просила, а, наоборот, старалась отказаться в пользу другого. Я удивляюсь, как она могла пойти на развод с отцом, в те годы это было чрезвычайно трудно. Ее разводил синод. Наверное, этим занимались ее братья.

Виргиния мне рассказывала, как она была потрясена, когда утром, перед уходом в гимназию, увидела в свежей газете извещение о разводе. Значит, никто из детей этого не знал. Виргиния мне рассказывала о своих переживаниях в этот день в гимназии и на улице. Ей казалось, что все об этом знают, глядя на нее. Вот как переживался в те времена развод. Он вызывал чувство стыда, не то, что теперь.

Амираго привез в Баку оперетту из Ленинграда.

За этот сезон я пересмотрела оперетту Кальмана "Сильва", "Баядерка", "Голубая мазурка", "Желтая кофта". Шел "Цыган премьер" и т.д.

Ведущие артисты, как Щеголева, Хмельницкий, Новинская, Франк бывали у нас с Павлом Ивановичем Амираго, вернее у Тамары. Балагурили, остирили, а иногда и пели.

К сожалению, на этом воспоминания, записанные Изабеллой Дмитриевной, заканчиваются...